

▷ VK.COM/KN_BOOKS ◁

Мужик БОСС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES
МИШЕЛЬ А. ВАЛЕНТАЙН

Плохой босс

Книга: Плохой босс

Автор: Мишель А. Валентайн

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серии

Главы: 16 глав+Эпилог

Переводчик: Анастасия В.

Редакторы: Виктория М., Ленуся Л.

Вычитка и оформление: Юлия Ц.

Обложка: Алёна К.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков
запрещено!

Специально для группы: К.N ★ Переводы книг
(https://vk.com/kn_books)

Аннотация

**Темный.
Опасный.
Влиятельный.**

Мой новый босс — *Доминик Де Лука* — объявил всему городу, что я неприкосновенна. Он хочет владеть мной: моим телом и душой, и каждый раз, когда он касается меня, мне все труднее говорить ему «нет».

**Невинная.
Красивая.
И моя.**

С того момента как *Фиона* вошла в мой клуб, она принадлежит мне. Она охотно вошла в логово льва, и я собираюсь поглотить каждый ее сладкий сантиметр.

Предупреждение: Этот роман предназначен для взрослой аудитории из-за нецензурных выражений и пикантных сексуальных сцен. Эта книга полна «инста-любви», властного, собственнического альфа-самца и упрямой героини. Если вы не любите такие вещи, возможно, эта книга не для вас.

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Глава 1

Фиона

Меня мало что может шокировать. Я прошла через столько дерьма в своей жизни, что нужно что-то действительно ужасное, чтобы напугать меня — по-настоящему напугать до чертиков, — но слова, которые мой отец только что произнес на другом конце провода, заставляют мой рот приоткрыться, а по спине пробежать холодок.

— Ты же говоришь это не серьезно, — спорю я с папой. — Вы ни за что не сможете втроем жить в фургоне, и ты отправил маму в дом для престарелых. Она всегда твердила, что никогда не хотела бы быть в одном из таких мест. Должно же быть какое-то другое место, куда вы можете пойти — что-то еще, что мы можем сделать!

Мой голос дрожит, когда паника захлестывает меня. Я отказываюсь верить, что моя семья вот-вот станет бездомной, и их единственный вариант — жить в своем гребаном фургоне, пока папа не найдет другую работу и не накопит денег на новое жилье.

— Должен быть другой выход. Ты можешь позвонить в банк? Скажи им, что мама инвалид, и посмотри, дадут ли они тебе время наверстать упущенное по ипотечным платежам?

— Я уже пробовал это, милая. Если бы был какой-нибудь другой способ... — Он тяжело вздыхает в трубку. — Это лучший вариант, который я могу придумать. Маме будет гораздо лучше в доме для престарелых, где она сможет получить необходимый уход, чем с нами в фургоне.

Я чертовски ненавижу то, что он прав. Ни за что на свете моя мама не сможет жить в фургоне. Мама перенесла инсульт десять лет назад, когда мне едва исполнилось двенадцать, и с того дня наша жизнь изменилась навсегда. Она так и не восстановила способность ходить и нуждается в помощи, чтобы выполнять основные задачи по уходу за собой. Папе было легче, когда я все еще была дома, потому что я могла помогать ему с мамой, а он мог сосредоточиться на работе и сохранении крыши над головой.

Было трудно оставить их в Огайо, но я не могла отказаться от полной стипендии в Северо-Западном университете Чикаго. Платить за колледж было не тем вариантом, который моя семья могла себе позволить.

У папы были проблемы с поиском надежного фельдшера, который ухаживал бы за мамой, когда ему нужно было быть на работе, и он потерял работу два месяца назад. Теперь, из-за нехватки денег, ипотечный займ не выплачивался в течение трех месяцев, и банк угрожает лишением права выкупа.

— Что, если я найду работу и буду отправлять вам все деньги?

— Фиона, нет. Ты и так перегружена всеми своими занятиями. Ты никак не можешь добавить работу в свой напряженный график. — На другом конце провода пауза, и я представляю, как папа в отчаянии проводит рукой по-своему преждевременно постаревшему лицу. — С мамой все будет в порядке в доме для престарелых, и я смогу найти другую работу. Мы с твоими братьями недолго пробудем в фургоне.

Слезы наполнили мои глаза от беспомощности.

— Я хочу помочь. Мне надо помочь. Я могу бросить колледж.

— Нет. — Тон папы был тверд. — Ты не можешь бросить медучилище. Ты так усердно работала ради этого, и через несколько лет ты станешь доктором — тем, кто будет помогать спасать жизни. Работа, которую ты делаешь, важна, так что не хочу снова слышать от тебя, что ты готова отказаться от этого.

Я проглотила комок в горле.

— Ладно.

— Хорошо, — подтвердил папа. — Теперь, попытайся не волноваться о нас. С нами все будет хорошо, и я позвоню тебе, если что-то изменится.

Я киваю, хотя он не видит.

— Я люблю тебя, милая. Мы скоро поговорим, — говорит мне папа.

— Да, скоро, — повторяю я, прежде чем линия отключилась, и я осталась со своими мыслями наедине.

Я уставилась в экран моего ноутбука, полностью погрузившись в свои мысли. Мама в доме для престарелых, в месте, где она никогда не хотела оказаться, а два моих младших брата живут в фургоне с отцом... этого достаточно, чтобы мне стало дурно, потому что я бессильна.

Прислоняюсь спиной к кирпичной стене своей комнаты в общежитии, прежде чем сделать глубокий вдох и выпустить его через сжатые губы. Если бы только я могла чем-то помочь.

Звук, открывающейся двери, привлёк мое внимание. Эмми вбегает в комнату, жуя розовую жвачку и перекидывая свои платиновые локоны через плечо. Она прекрасна. Ее одежда, макияж, ногти и прическа всегда на высоте, напоминая мне голливудскую звезду с идеальной фигурой и грудью, за которую я бы убила. В довершение всего, камера любит ее лицо. Она самый фотогеничный человек, которого я знаю.

Она сдвигает свои очки-авиаторы на макушку, когда замечает меня, убирая волосы с лица.

— О, привет, девочка! — приветствует Эмми меня, закрывая дверь за собой. — Ты в порядке?

Я киваю и быстро смахиваю навернувшиеся на глаза слезы.

— Да. Я в порядке.

Ее накрашенные розовой помадой губы кривятся, когда она садится рядом со мной на кровать.

— Ты неважно выглядишь. В чем дело?

Мы с Эмми были очень близки пару лет назад, когда она проводила больше времени в общежитии, учась, но с тех пор, как она переехала за пределы кампуса в квартиру, которую держит в секрете от своих родителей, мы немного отдалились друг от друга.

Я вздыхаю, зная, что Эмми не перестанет приставать ко мне с расспросами о том, что не так, пока я ей не расскажу.

— Это мои родители. Они испытывают финансовые трудности. Я хочу помочь им, но я не знаю, какую работу смогла бы совместить с медучилищем, на которой платили бы достаточно, чтобы быстро получить необходимые для них деньги. Им нужна помощь, и меня подмывает бросить колледж, чтобы поработать в паре мест и помочь им.

Ее голова откидывается назад.

— Ты что, блядь, с ума сошла? Ты потеряешь свою стипендию!

— Я знаю, — бормочу я. — Но я не могу сидеть сложа руки и смотреть, как они становятся бездомными, и ничего не делать, чтобы остановить это. Это сведет меня с ума, если я что-нибудь не придумаю.

Она наклоняет голову, когда изучает меня.

— Ты в полном отчаянии, да?

Я киваю.

— Я бы сделала все, чтобы помочь им.

Она аккуратно облизывает губы.

— Возможно, у меня есть решение твоей проблемы, но я не думаю, что тебе это понравится... и эта работа точно не для всех. Но ты красива, и твое тело определенно подходит для этого.

Я наморщила лоб, изучая ее.

— Подожди, минутку. Ты предлагаешь мне пойти работать с тобой в стрип-клуб?!

— Там есть и другие вакансии, помимо стриптиза, за которые очень хорошо платят. Нам нужен официант прямо сейчас, и ты идеально подходишь. Мужчины переступали бы друг через друга, чтобы дать тебе чаевые. Ты сорвала бы куш.

Мои глаза расширяются.

— Я не знаю, Эмми. Я не знаю, смогу ли раздеться перед незнакомыми мужчинами.

— Официантки носят очаровательные топы с лифом, черные трусики-шорты из спандекса и милые заячьи ушки, символизирующие название клуба Pink Rabbit (*примеч. Розовый Кролик*). Не нужно обнажаться, чтобы подавать похотливым ублюдкам напитки, пока они возбуждаются,

наблюдая, как мы трясем сиськами. — Эмми смотрит на мое лицо. — Я знаю, тебе противна моя работа, но за нее действительно хорошо платят, и это может стать твоим способом быстро заработать много денег.

Мысль о том, чтобы раздеться за деньги, меня совершенно не привлекает, но в то же время, подача напитков и получение тонны чаевых, кажется привлекательной. Я могла бы делать это достаточно долго, чтобы спасти дом моих родителей и вернуть их в строй. Это же не значит, что я буду делать это вечно.

Кроме того, это не может быть так уж плохо, потому что Эмми работает там уже больше года.

— Это не так плохо, как ты думаешь. — Эмми похлопывает меня по колену, смотря на меня, пока я обдумываю ее предложение. — Это совершенно безопасное место для работы. Клянусь.

Как бы мне ни было неприятно это признавать, эта работа может стать ответом на мои молитвы.

— Ты действительно думаешь, что я смогу заработать достаточно денег, чтобы покрыть три месяца выплат по ипотеке?

— Черт возьми, да, я знаю. Я думаю, ты сможешь заработать достаточно, чтобы расплатиться с домом, если у тебя когда-нибудь хватит смелости подняться на сцену.

Мои глаза расширились.

— Этого не произойдет.

Она откидывает голову назад и смеется.

— Я знаю. Знаю. Но если такое случится, может ли твой сценический псевдоним быть доктор Кинки?

— Я думаю, что, черт возьми, нет. — Я шлепаю ее по ноге. — Мои большие буфера не предназначены для общественного потребления.

Она закатывает свои голубые глаза.

— Большие буфера? Только ты могла назвать свои сиськи буферами, как девятилетняя женщина. — Она встает с моей кровати, а затем направляется к своему маленькому шкафу. — Тебе нужно переодеться и пойти со мной осмотреться в клубе — убедиться, что это то, с чем ты сможешь справиться. Я не хочу подставлять свою шею, чтобы тебя наняли, если ты соберешься струсить.

Я закрыла свой ноутбук.

— Логично. Дай мне двадцать минут.

Эмми припарковала свой белый Мустанг за зданием и заглушила двигатель, прежде чем окинуть меня беглым взглядом.

— Ты выглядишь великолепно. Мистер Де Лука ни за что не упустит возможность нанять тебя, потому что это платье сексуально, как грех.

Поскольку Эмми считала, что в моем гардеробе нет ничего, достойного интервью в стрип-клубе, она надела на меня обтягивающее, короткое изумрудное платье, которое у нее есть, и которое демонстрирует гораздо больше кожи и декольте, чем я привыкла. Однако она убедила меня надеть его, потому что, по ее словам, этот цвет удивительно хорошо сочетается с моими рыжими волосами.

Я любитель комплиментов.

Эмми берет меня под руку и ведет к черному входу в здание из красного кирпича. Гигантский мужчина с широкими плечами и длинным низким светлым хвостом сидит на табурете у двери. Я приподнимаю подбородок, когда глаза похожего на халка мужчины блуждают вверх и вниз по моему телу, сканируя меня.

— Свежее мясо, Эм? — спрашивает мужчина с легким смешком в голосе. — Ты уверена, что хочешь скормить ее львам?

Эмми шлепает мужчину по большой, мускулистой груди.

— Заткнись, Трэвис. Ты ее спугнешь. Ты не представляешь, чего мне стоило заставить ее хотя бы согласиться прийти со мной в это место сегодня вечером.

Один уголок губ Трэвиса приподнимается в усмешке.

— Так ты развращаешь ее? Хорошо.

Эмми закатывает глаза, когда ведет меня мимо мускулистого вышибалы, не обращая внимания на его нелепые выходки.

— Серьезно. Игнорируй Трэвиса. Он идиот и любит дразнить всех новичков, так что относись к его словам с долей скепсиса.

Когда мы заходим внутрь, у меня отвисает челюсть, когда я рассматриваю планировку заведения. Это совсем не то, что я ожидала увидеть, основываясь на кирпичном фасаде здания. Это современное заведение с темными стенами, четким светодиодным освещением и дверями из матового стекла. Если бы у богатого вампира был стрип-клуб, выглядел бы он именно так.

Эмми толкает последнюю дверь в конце длинного коридора, и я сразу понимаю, что это примерная танцовщица. Повсюду разбросаны части от откровенных бикини, а также то, что, как я могу лишь догадываться, является сценическим реквизитом для девушек: начиная от кожаных нарядов госпожи и заканчивая нарядами с белыми перьями. Кажется, они удовлетворяют здесь все мужские фантазии.

Эмми указывает мне на табурет напротив одного из туалетных столиков и предлагает присесть. Ее фотографии со знаменитостями, приклеенные к зеркалу, однозначно говорят о том, что это место принадлежит ей.

— Подожди здесь, пока я найду босса. Я хочу, чтобы он познакомился с тобой. — Эмми обращает свое внимание на блондинку, сидящую прямо позади меня, и говорит: — Кэнди, присмотри за моей подругой. Проследи, чтобы никто не цеплялся к ней, пока я схожу к мистеру Де Луке.

— Конечно, Ронни, — говорит Кэнди, нанося еще один слой туши на свои и без того длинные ресницы.

Я приподнимаю бровь, когда смотрю на Эмми.

— Ронни?

Она пожимает плечами.

— Сценический псевдоним. Мы все проходим через это, когда находимся в клубе. Так легче поддерживать ясность, когда мы общаемся с клиентами. — Она сжимает мои плечи. — Я вернусь сразу после того, как найду босса, чтобы поговорить с ним о том, чтобы нанять тебя.

— Хорошо, — говорю я ей, чтобы подтвердить, что я не струсил и не сбегу, пока ее нет.

Я достаю свой телефон и открываю свои заметки, чтобы выделить немного столь необходимого времени для учебы. Суть поступления в медучилище в том, что ваши оценки должны быть чертовски близки к идеальным, чтобы быть принятыми в какую-либо программу. Последние четыре года я работала не покладая рук, и после нескольких убедительных рекомендательных писем меня, наконец, приняли в следующем году на программу Доктора Остеопатии Университета Огайо — место поближе к дому, где я снова смогу заботиться о маме.

Хотя, я из всех сил стараюсь сосредоточиться, это трудно, учитывая, что комната окружена кучей голых незнакомок. У этих женщин восхитительные тела, и они ни капельки не стесняются демонстрировать их. Вероятно, это становится естественной привычкой, учитывая их род занятий.

— Ты танцевала раньше? — спрашивает Кэнди, отвлекая мое внимание от телефона.

— Я? Нет. Никогда, — запинаюсь я.

Губы Кэнди кривятся, когда она красит их рубиново-красной помадой.

— Требуется немало мужества, чтобы выйти на эту сцену. Думаешь, у тебя есть все необходимое?

Я качаю головой.

— Нет. У меня нет, но Эм... — Я оборвала себя, вспомнив, что Эмми сказала, что все они любят использовать здесь свои сценические псевдонимы. — Ронни сказала мне, что официантки не должны быть топлесс, так что я думаю, что смогу справиться с этой работой.

Она кусает губы.

— Официантка, да? Это настоящий позор. Такая красotka, как ты...ты могла бы грести деньги лопатой на сцене. Ты — главный козырь на сцене с этими шикарными рыжими волосами. Я могу представить это прямо сейчас... ты разыгрываешь целое шоу непослушной Русалочки Ариэль. Мужчины потеряли бы разум от такой милой штучки, как ты.

Хоть деньги и являются моей мотивацией для того, чтобы быть здесь, я не думаю, что у меня хватит смелости стать одной из танцовщиц. Работа здесь, даже просто в качестве официантки — это огромный шаг для меня и совершенно мне не характерна. Но я отчаянно нуждаюсь в деньгах и готова сделать все возможное, чтобы спасти дом моей семьи.

— Фиона! — зовет меня Эмми, просовывая голову в комнату. — Пошли!

Я вскакиваю со стула и направляюсь в сторону Эмми.

— Подумай о том, что я сказала, Ариэль, — говорит мне Кэнди, когда я прохожу мимо. — Месяц на сцене мог бы принести тебе столько, сколько большинство людей зарабатывают за год.

Мои глаза расширяются, и я быстро киваю ей, прежде чем поспешить навстречу Эмми. Годовая зарплата за месяц? Это именно те деньги, которые мне сейчас нужны, но я не уверена, что смогу набраться смелости. Тем не менее, это довольно заманчиво.

Как только мы остаемся одни в коридоре, Эмми поднимает бровь, глядя в мою сторону.

— Ариэль, да? Могу себе это представить. У Кэнди талант давать нам сценические псевдонимы. Она вроде как наша фея-крестная-стриптизерша.

Я разразилась приступом смеха.

— Что?

Эмми пожала плечами.

— Кэнди работает здесь дольше всех, и она почти стала нашим руководителем по подбору талантов, подталкивая всех нас к наилучшим направлениям для нашей карьеры.

— Карьера? Это не карьера. Стриптиз — это то, что ты делаешь, чтобы выжить. Это не конечная цель.

Она смотрит на меня с недоверчивым выражением лица.

— Для вас, может быть, мисс Доктор, но я планирую использовать эту работу и связи, которые я здесь приобрела, чтобы подняться на следующий уровень славы в моей музыкальной карьере, как это сделала Карди Би. Эта девушка знала, как пользоваться ситуацией в своих интересах.

Хотя я не сомневаюсь, что карьера стриптизерши может подготовить Эмми к работе в индустрии развлечений в будущем, заставив ее чувствовать себя комфортно в собственной шкуре и владеть своей сексуальностью, для меня это не долгосрочное место работы. На самом деле, я была бы в восторге, если бы никто никогда не узнал, что я вообще здесь работаю, и точка.

Эмми ведет меня вверх по лестнице с темными деревянными перилами, и, как и первый этаж, второй такой же шикарный. Кто бы ни оформлял это место, у него безупречный вкус, судя по массивным люстрам, свисающим с потолка, и со вкусом подобранным картинам с абстрактными предметами на стенах.

Эмми останавливается у второй двери слева и поворачивается ко мне лицом.

— Это кабинет хозяина. Он лично нанимает всех девушек, которые здесь работают, чтобы убедиться, что они соответствуют его стандартам. Будь вежлива, но тверда в своих ответах. Ему не нравятся нерешительные люди. Я видела, как он уволил девушку, потому что она недостаточно быстро выбрала напиток, который хотела.

Я сглатываю.

— Это такая незначительная вещь, чтобы из-за этого увольнять.

Она пожимает плечами.

— Мистер Де Лука не церемонится. Я делаю все возможное, чтобы выполнять свою работу и держаться от него подальше, пока я здесь, потому что я не хочу рисковать и выводить его из себя, поэтому предлагаю тебе сделать то же самое.

Почему она не рассказала мне все это до того, как я пришла? Я бы, скорее всего, пересмотрела идею работать на кого-то, кто ведет себя как тиран.

Она, должно быть, прочитала, о чем я думаю, в моих глазах, потому что сказала:

— Я не сказала тебе, потому что это дало бы тебе еще один повод не приходить, и я знаю, как отчаянно ты хочешь помочь своим родителям. Это всего лишь работа.

Она права. Как бы неприятно мне ни было это признавать, она права.

Пришло время отрастить пару женских яиц и смириться с тем, что я буду работать в стрип-клубе. Это если этот мудак по ту сторону двери сочтет меня подходящей для найма.

Эмми сжимает мою руку и показывает мне большой палец, как любящая мать, которая провожает своего ребенка в первый класс, когда я направляюсь к двери босса Pink Rabbit.

Раздается быстрый двойной стук, когда я стучу костяшками пальцев по матовому стеклу двери.

— Войдите, — командует глубокий, с хрипотцой голос, и дрожащей рукой я поворачиваю ручку.

Сначала мой взгляд привлекает гладкий черный стол, а затем мои глаза встречаются с самыми темными глазами, которые я когда-либо видела в своей жизни, заставляя мой рот приоткрыться.

Глава 2

Фиона

— Закрой дверь, — приказывает босс, когда я вхожу в его кабинет.

Я делаю, как велено, и поворачиваюсь лицом к одному из самых привлекательных мужчин, которых я когда-либо видела, сидящему за столом. Его окружает опасная аура, но это каким-то образом делает его еще более красивым. Множество татуировок покрывают обе его руки вместе с большой татуировкой сбоку на шее, они должны выглядеть неуместно, учитывая дорогой костюм, который он носит, но все так хорошо сочетается, что он выглядит гармонично. Вызывающе, но гармонично.

Его темные глаза изучают меня, и обычно я начинаю огрызаться на мужчину за то, что он так открыто пялится, но, учитывая, что эта работа, где мужчины будут постоянно оценивать меня, мне нужно позволить его пьянящему взгляду продолжаться.

Он скрещивает свои татуированные пальцы перед губами, изучая меня. Его взгляд не кажется приветливым, но я не могу показать страх. Такой человек, как мистер Де Лука, может почувствовать, когда кто-то напуган и посчитает это слабостью.

Темно-каштановые волосы слегка длинноваты, но они аккуратно подстрижены вокруг ушей, а цвет соответствует густой, ухоженной бороде, покрывающей его лицо. Небольшой шрам, пересекающий его правую бровь, — его единственное несовершенство, но это каким-то образом добавляет ему привлекательности. Эмми забыла упомянуть, что ее босс, потрясающе красив в своем стиле плохого парня.

— Наркотики? — его голос рычит.

Этот вопрос застает меня врасплох.

— Ч-что?

Он глубоко вздыхает, как будто я его раздражаю, а затем перефразирует этот вопрос, медленно произнося каждое слово, как будто я идиотка, которая не поняла его с первого раза.

— Ты. Употребляешь. Наркотики?

Мое лицо морщится.

— Нет.

Как будто он мне не верит, он встает со своего места и в мгновение ока оказывается передо мной. Его длинные, большие пальцы сжимают мое запястье без разрешения, прежде чем вытянуть мою руку, чтобы он мог осмотреть нежную внутреннюю поверхность на сгибе моей руки.

— Эй! — Я протестую и пытаюсь вырваться из его хватки. — Я только что сказала Вам, что не принимаю наркотики.

Его губы кривятся, как будто ему нравится, что я пытаюсь послушаться его, отстраниться до того, как он позволил бы мне это сделать. После того, как мужчина удовлетворен своим осмотром, он освобождает меня от хватки.

— Тогда скажи мне, почему такая девушка, как ты — девушка, которая была принята в медучилище — хочет работать в моем клубе? Чего же ты хочешь?

Я могла бы солгать ему и сказать, что мне нужны деньги на учебу, но что-то подсказывает мне, что такой человек, как мистер Де Лука, раскусит любую чушь, которой я попытаюсь его накормить, поэтому решаю сказать ему правду.

— Моя семья вот-вот потеряет свой дом, и я хочу сохранить его для них.

Его брови взлетают вверх при моем признании.

— Так ты благородная? Не так ли? Ты из тех людей, которые ставят других выше себя.

— Неужели это так плохо? — Не знаю, к чему он клонит с этим вопросом, но мне не нравится тот факт, что он пытается намекнуть, что я своего рода Мать Тереза.

— Нет. — Он делает паузу, пока его глаза изучают абсолютно белый потолок, как будто задумался о том, что сказать, прежде чем он снова обращает свой темный взгляд на меня. — Это просто редкое качество, которым должен обладать человек. Большинство девушек, которые

приходят ко мне на работу, стремятся повысить свой собственный финансовый статус. Не то, что кому-то другому.

— Уверяю Вас, я только хочу помочь своей семье. Как только у меня будет достаточно денег, — делаю паузу, осознав свою ошибку, признав, что планирую уволиться после того, как помогу своим родителям. Это не сулит ничего хорошего, учитывая, что это собеседование при приеме на работу — самое напряженное собеседование, которое у меня когда-либо было.

Я не помню, чтобы чувствовала себя такой растерянной, когда проходила собеседование в медучилище. Один только пристальный взгляд этого человека заставляет меня практически извиваться.

Глаза мистера Де Луки вспыхивают.

— Почему я должен дать тебе эту работу, если ты планируешь уйти от меня, когда получишь то, что тебе нужно? С чего мне нанимать тебя?

— Я усердный работник, — говорю я.

— Скучно, — огрызнулся он. — Все девушки здесь усердно работают. Это обязательное условие. Совершенство — это то, чего я ожидаю от всех своих сотрудников. — Он переводит взгляд на меня, стоя так близко, что мы почти дышим одним воздухом. — Что делает тебя особенной?

Особенной?

Это то, о чем я никогда раньше даже не задумывалась, и я быстро пытаюсь найти ответ, но ничего не приходит на ум. Если бы кто-нибудь другой задал мне этот вопрос, я бы назвала свой идеальный средний балл и отбросила тот факт, что я поступила в медучилище благодаря собственным заслугам. Это непросто сделать, но поскольку он уже знает, что я учусь в колледже, эти вещи не произведут на него впечатления.

После долгой паузы я вздыхаю и слегка пожимаю плечами.

— Ничего. Ничего не делает меня особенной.

Я прикусываю уголок нижней губы, и его глаза скользят вниз к моему рту, и на долю секунды я вижу в них что-то — что-то, чего я не могу распознать. Это можно описать только как смесь ненависти и похоти, но у этого мужчины нет причин ненавидеть меня, поэтому я уверена, что совершенно неправильно понимаю эту ситуацию. Он никак не может ненавидеть совершенно незнакомого человека.

Окружающий воздух становится наэлектризованным, и, хотя мой новый босс не обычный книжный ботаник, любящий «Звездные войны», к которому я стремлюсь, что-то в уверенности, которую он излучает, безумно привлекает. Власть очень заманчива.

Он делает шаг назад, увеличивая дистанцию, между нами, и я благодарна, потому что очень неправильно думать о своем боссе в сексуальном плане.

Очень, очень неправильно.

Он опирается на стол, позволяя длинным пальцам обеих рук обхватить край.

— Ты не подходишь для сцены, но поскольку от тебя разит отчаянием, я позволю тебе подавать напитки и еду на испытательном сроке. Сделаешь что-нибудь, что разозлит меня, и ты уйдешь. Я не играю в игры, и со мной трудно работать, но если ты думаешь, что справишься с этим, тогда работа твоя, если ты не облажаешься слишком сильно, как только окажешься на танцполе.

Мои губы изгибаются в ликующей улыбке.

— Правда? Благодарю Вас. Обещаю, что не подведу.

Я никогда не думала, что настанет день, когда я буду рада работать в стрип-клубе, и все же я здесь, на седьмом небе от счастья, счастлива получить эту работу. В одном мистер Де Лука прав: я в отчаянии. Я бы сделала все, чтобы помочь своей семье, в том числе пожертвовала бы своим достоинством.

Глава 3

Фиона

Телевизионные шоу всегда изображают мужские клубы как темные, грязные места, наполненные криминальными элементами. И если честно, это именно то, что я ожидала увидеть в тот момент, когда вошла на главный этаж в своей официальной униформе официанта Pink Rabbit. Стены выкрашены в черный цвет, но современная стеклянная тематика из задней части клуба перенесена туда, где происходит все действие. Хотя здесь все еще немного темно, свет освещает наиболее важные помещения клуба, такие как бар, главная сцена и две боковые сцены.

Униформа, которая на мне, откровенна, хотя я носила платья подружек невесты, которые демонстрировали такое же декольте, как и черное боди, в остальном она напоминает мне цельный купальник. Розовые уши немного контрастируют с цветом моих огненно-рыжих волос, но в остальном, я думаю, выгляжу мило.

— Ариэль, — зовет меня по имени Кэнди с той стороны бара, где она стоит.

Как только мистер Де Лука дал мне работу, он отправил меня обратно в раздевалку, чтобы найти Кэнди, одну из его самых постоянных сотрудниц и человека, который проводит все тренировки для новых девушек. Они называют ее домоправительницей.

Я стою перед ней и изо всех сил стараюсь казаться уверенной, хотя меня так и подмывает прикрыть свое скудно одетое тело от любопытных глаз.

Кэнди перекидывает свои светлые волосы за плечи, а затем кивает черноволосой азиатке в черном кожаном комбинезоне и высокому мускулистому шатену в темных джинсах и серой футболке, стоящими за стойкой.

— Это Никита и Браун. Заботься о них — делись своими советами — и они позаботятся о тебе.

Я слегка машу им рукой.

— Привет. Я Фио...

— Ариэль, — перебивает меня Кэнди. — Внутри этих стен ты всегда Ариэль. Это твоя роль, так что никогда не выходи из нее, пока ты здесь. У нас есть несколько сумасшедших покровителей, которые захотели бы выследить такую прекрасную штучку, как ты, поэтому не давай им никакой информации, которая помогла бы найти тебя. Никогда не сообщай свое имя, номер телефона и, конечно же, не говори, где ты учишься или живешь.

Ее слова вызывают во мне дрожь. Мысль о том, что кто-то может проследить за мной после работы, никогда не приходила мне в голову, но легко представить, что такое безумное дерьмо может произойти.

— Ариэль с рыжими волосами. А мне нравится, — говорит Браун, кивая. — Ты когда-нибудь раньше работала официантом или барменом?

Я качаю головой.

— Нет. Но обещаю, что я быстро учусь.

Я делаю все возможное, чтобы развеять любые сомнения, которые у него могут возникнуть по поводу того, что я не способна справиться с этой работой.

— Отлично, — фыркает Никита. — Еще один новичок, у которого молоко на губах не обсохло.

— Ник, — огрызается Кэнди. — Ты тоже когда-то была новичком. Помнишь?

Никита закатывает глаза, а затем возвращается к складыванию бутылок со спиртным, не делая попыток возразить Кэнди.

Моя наставница ведет меня к пульта диджея.

— Она придет в себя. Никита жесткая и не слишком часто общается с другими девушками, так что тебе лучше быть с ней краткой. — Она останавливается и указывает на парня, который ненамного старше меня, стоящего у пульта. — Это Фритц, наш диджей. Танцоры связываются с ним, как только выходят на танцпол, и сообщают какую песню нужно

поставить. Твоя задача — проведать его и убедиться, что у него есть любой напиток, который он пожелает, пока работает.

Я слегка машу рукой.

— Привет. Я Ариэль.

Он ухмыляется, и я замечаю, какие невероятно белые у него зубы на фоне черного света, который окружает его. Он симпатичный в обычном стиле бабника — в бейсболке задом наперед, дизайнерских джинсах и облегающей футболке. Он чем-то напоминает мне одного из актеров реалити-шоу «Пляж».

Он выпячивает подбородок.

— Как дела, подруга.

Кэнди не задерживается слишком долго у пульта Фритца, и уводит меня обратно в зону, помеченную как приватная танцевальная комната.

— Охрана размещена здесь и у входа в наш приват, чтобы обезопасить девушек и выгнать всех клиентов, которые слишком распускают руки. Мы не выбрасываем слишком много людей, но это случается время от времени.

Кэнди останавливается перед коридором, который ведет обратно в гримерку.

— Мой стол в гримерке. Если у тебя возникнут какие-либо проблемы сегодня вечером, приходи, дай мне знать, и я помогу тебе, чем смогу. Сосредоточься на выполнении своей работы и никогда не занимайся сексом с клиентами, и у тебя все будет хорошо. Сегодня твой пробный день, так что не расслабляйся и, прежде всего, делай все, о чем тебя попросит мистер Де Лука, без возражений. Поняла?

Я киваю.

— Да.

Кэнди бросает на меня последний взгляд, прежде чем отправить помогать барменам, пока не придут клиенты.

По какой-то причине я не представляла себе, что вечер среды в стрип-клубе будет таким оживленным, но заведение переполнено, и все заказывают еду. Думаю, больше парней, чем я себе представляла, приходят сюда на вечер крылышек за пятьдесят центов и на показ сисек.

Я расстилаю салфетку и ставлю бутылку пива, которую заказал джентльмен, сидящий перед главной сценой. Он не обращает на меня внимания, поскольку его глаза фокусируются на девушке топless, ползающей перед ним, одетой только в куски соединенных нитей вокруг ее нижней части. Оно абсолютно ничего не прикрывает и выставляет ее вагину на всеобщее обозрение, заставляя мужчин осыпать ее деньгами. Сегодня вечером я узнала, что из-за продажи алкоголя в стрип-клубе девушки не могут быть полностью обнаженными. Но такие костюмы — техническая лазейка.

Я наблюдаю, как мужчина бросает единицы и пятерки на сцену перед танцовщицей, чтобы удержать ее внимание на нем. Она подчиняется, ложится на спину и раздвигает ноги перед мужчиной, играя с ниткой, которая проходит между ее интимными складками, заставляя его наклониться ближе.

Между тем, за весь час, что он здесь, он дал мне пять долларов чаевых, что составляет только около пятидесяти баксов, заработанных за последние три часа.

Эмми делала это из благих побуждений, но эти жалкие чаевые официантки в клубе не помогут мне спасти дом моей семьи.

Я оглядываюсь и замечаю, что большинство официанток усиленно флиртуют с клиентами и проявляют излишнюю чувствительность, что, вероятно, приносит им чаевые лучше, чем те, что получаю я. Но быть чрезмерно кокетливой или сексуальной — это не для меня.

Я не ханжа или что-то в этом роде и не завидую никому, кто выставляет напоказ свою сексуальность, но у меня никогда раньше не было секса, так что вести себя как сексуально опытная женщина — это не то, в чем я была бы хороша. В старших классах у меня никогда не

было времени на мальчиков, потому что я была занята заботой о своей матери и двух младших братьях, в то время как мой отец обеспечивал крышу над нашими головами. Колледж... что ж, будучи серьезным студентом и проводя все свое время за учебой, я не оставляла много времени для друзей, не говоря уже о свиданиях.

Я думаю, что как только я окончу школу, или, черт возьми, даже медучилище, я встречу серьезного единомышленника, такого же, как я, и мы влюбимся друг в друга. Этот мужчина будет моим первым, и я более чем счастлива, дожидаясь его.

— Для вашего удовольствия, пожалуйста, поприветствуйте на сцене Ронни! — объявляет Фритц, его голос гремит из динамиков.

Имя моей соседки привлекает мое внимание, и я бросаю взгляд на сцену, чтобы увидеть начало ее выступления под какую-то рэп-песню. Ее пальцы обвиваются вокруг шеста, и она кружится вокруг него, напоминая мне о чувственном балете. Тело Ронни потрясающее, и, как и у других девушек, на ней микроскопические ниточки, называемые трусиками и топ, который едва прикрывает ее соски. Она играет с наблюдающими за ней мужчинами, запускает пальцы в их волосы и прячет их лица между своих грудей. Как только они готовы и пускают слюни, она расстегивает свой топ, затем прислоняется спиной к шесту и соблазнительно сползает по нему вниз.

— Я плачу тебе за работу. Если ты хочешь посмотреть шоу, купи билет, как и эти придурки, — раздается голос босса за моей спиной.

Жар опалил мои щеки, когда я была загипнотизирована видом моей соседки по комнате, танцующей обнаженной.

— Простите, — бормочу я и отступаю.

Мистер Де Лука хватает меня за запястье, останавливая и изучает мое лицо.

— Тебе, блядь, стыдно?

Мой рот приоткрывается.

— Н-нет, — заикаюсь я.

Хитрая усмешка появляется на его лице.

— Так и есть. Хм, — говорит он. — Нам нужно это исправить. Не могу допустить, чтобы мой сотрудник боялся продавать продукт. — Как молния, он разворачивает меня и прижимает спиной к своей груди. Пальцы его правой руки обвиваются вокруг моего бедра, в то время как другая продолжает сжимать мое запястье, твердо удерживая меня на месте, лицом к сцене. — Стой здесь, как хорошая маленькая девочка, и смотри, — шепчет мне на ухо он хриплым голосом.

Мы остаемся прижатыми друг к другу, его крепкая грудь прижимается к обнаженной коже моей спины, пока мы смотрим выступление Эмми. Я не могу объяснить почему, но это кажется интимным, и каким-то образом ловлю себя на том, что немного возбуждаюсь, что совершенно безумно, потому что это не наблюдение за моей голой соседкой по комнате вызывает у меня такие чувства. Это мой до смешного сексуальный босс и его теперь твердый член, трущийся о мою задницу.

Глава 4

Доминик

В тот момент, когда Фиона вошла в мой кабинет, я понял, что у меня, блядь, появились огромные проблемы. От нее веяло невинностью, и в ту минуту, когда ее запах наполнил мой нос, все, о чем я мог думать, это погрузить свой член глубоко в нее. Я постоянно окружен красивыми женщинами и могу трахнуть любую из них в любое время, когда захочу, но ни одна из них не заставляет мою кровь кипеть от желания. То, что я чувствую к Фионе, является чем-то животным и совершенно не в моем стиле.

Я ценю контроль во всех аспектах своей жизни. Обычно ничто не может заставить меня отклониться от моей политики больше не связываться с женщинами, которые на меня работают. В последний раз, когда я сделал это, женщина ожидала от меня большего — хотела отношений, — когда все, чего я хотел, это быстрого траха. После этого я поклялся никогда больше не трахаться ни с кем из моего клуба, и это правило остается неизменным уже более двух лет, но эта рыжеволосая ведьма заставляет меня нарушить это чертово правило, просто чтобы почувствовать, как ее тугая киска сжимает мой член.

Я думаю, что сошел с ума, черт возьми.

Моя рука скользит от ее бедра вверх к грудной клетке, и ее грудь вздымается, заставляя мой взгляд опуститься к сочным изгибам ее груди, выступающим из-под верхней части униформы.

— Это то, что заводит тебя? — спрашиваю я, мои губы нависают над ее ухом. — Вуайеризм?

Она качает головой.

— Нет? — В моем тоне слышится легкая насмешка. — Ну, тогда скажи мне, что тебя возбуждает. — Я покусываю мочку ее уха, не в силах удержаться от того, чтобы ощутить малейший вкус ее кожи. — И я дам это тебе.

Ее голова откидывается назад, падая мне на грудь, и аромат ее фруктового шампуня наполняет мой нос. Мой член пульсирует за застёжкой-молнией, умоляя высвободиться и погрузиться в нее.

— Давайте поаплодируем Ронни, — выкрикивает Фритц, сигнализируя об окончании основной сценической программы Ронни.

Словно очнувшись от транса, тело Фионы напрягается, и она отскакивает от меня, увеличивая расстояние между нами, что мне не нравится.

— Я больше не буду смотреть. С этого момента я буду сосредоточена только на своей работе.

Она поворачивается и убегает к бару, оставляя меня стоять там с бешеным стояком и вытирать рукой лицо. Она упустила весь гребанный смысл нашего маленького взаимодействия. Мне абсолютно наплевать, если она время от времени останавливается, чтобы понаблюдать за девочками. Мои девочки самые лучшие — красивые и чертовски талантливые. У любого, у кого есть глаза, возникло бы искушение остановиться и понаблюдать за ними. На самом деле я был бы оскорблен, если бы они этого не сделали.

Но мой твердый член предназначался для нее, и я хотел посмотреть, что она сделает, как только я прижму его к ней. Большая часть меня хотела, чтобы она предложила, по крайней мере, пососать его, поскольку именно она вызвала его нынешнее состояние, но она убежала, как будто я оттолкнул ее.

Меня так и подмывает догнать ее, затащить наверх, в свой кабинет, и трахать ее до тех пор, пока она не выкрикнет мое имя — пока мы оба не будем измотаны и удовлетворены, — но я этого не делаю. Вместо этого я просто стою там, глядя ей вслед, сдерживая себя, потому что ничего хорошего не выйдет из того, что я трахну сотрудницу. От этого будет только головная боль, а я предпочитаю избегать этого любой ценой.

Глава 5

Фиона

С тех пор, как мистер Де Лука прижался ко мне своим твердым, как камень, телом посреди своего клуба и прошептал мне на ухо эти непристойные слова, он все, о чем я могу думать. Никто еще никогда так откровенно ко мне не приставал. Я чувствовала, как сильно он хотел меня, когда его эрекция прижималась к моей спине через брюки, и, если честно, ощущение этого меня так возбудило, что на несколько мимолетных мгновений я забыла, что он мой босс. Меня пугало, как сильно я хотела, чтобы он продолжал — продолжал говорить мне непристойности и позволить ему доставлять удовольствие моему телу — и с моей первой ночи я избегала своего босса, как будто у него была чума. Я хотела бы встретиться с ним при каких-нибудь других обстоятельствах, потому что тогда не было бы ничего плохого в желании почувствовать, как он двигается внутри меня.

— Что случилось? — спрашивает меня Эмми с водительского сиденья своей машины, когда она везет нас на работу в клуб. — Ты выглядишь грустной.

Я пожимаю плечами, не желая раскрывать, что на самом деле у меня на уме.

— Я не уверена, что смогу продолжать выполнять эту работу.

— Что? — Ее голос повышается на октаву. — А как насчет ипотеки твоих родителей?

Я вздыхаю, думая о двухстах восьмидесяти пяти баксах, которые я спрятала в обуви в своем шкафу. Это все, что я смогла заработать на чаевых после трех смен.

— Это не так много денег, как я думала, и с той скоростью, с которой я их коплю, я не заработаю достаточно, чтобы спасти их дом.

Ее губы кривятся, потому что я уже жаловалась ей раньше на дерьмовые чаевые, которые я получала, и на тот факт, что я убиваю себя работой и учебой и чувствую, что проигрываю обе битвы.

После секундного молчания она говорит:

— Тебе нужно выйти топлесс.

На этот раз уже кричу я.

— Что? Ты же не серьезно.

— Но это так. Я обещаю, что, если будешь подавать напитки без верха, ты привлечешь гораздо больше внимания со стороны клиентов, и это принесет много чаевых. Если ты хочешь зарабатывать больше денег, это то, что ты должна сделать.

— Ты знаешь, что я не могу, — возражаю я.

— Почему? Потому что ты стесняешься? — спрашивает она, но я не говорю ей, что это больше, чем просто застенчивость. Дело в том, что ни один мужчина раньше не видел меня без топа, и я не уверена, что первый человек, которому я хочу это показать — незнакомец.

— Это не по мне.

— Послушай, Фиона. Я тоже никогда не думала, что смогу раздеться за деньги, но как только я преодолела первоначальный страх показать свое тело, я почувствовала себя сильной. То, как я смогла привлечь внимание мужчины и заставить его отдать все свои деньги за возможность взглянуть на меня, дало мне ощущение контроля. — Она рискнула бросить быстрый взгляд в мою сторону, а затем снова сосредоточиться на дороге. — Если ты сможешь найти в себе мужество, то сможешь поставить любого мужчину, которого захочешь, на колени ради себя. У тебя для этого все есть: милая, с потрясающим лицом и телом, за которое можно умереть. Мечта мужчины.

Я хочу то, что, по ее словам, я могу получить — деньги, чтобы спасти дом моих родителей, прежде чем они потеряют все. Ради людей, которых я люблю, я бы пожертвовала всем, включая свое тело, если бы пришлось. Если показывать свои сиськи каким-то похотливым мужчинам за деньги — это то, что для этого нужно, значит, я это сделаю.

Стоя перед зеркалом в туалете для сотрудников на втором этаже, я снимаю топ и смотрю на себя. Я поднялась в эту ванную, потому что тут более уединенно, чем в раздевалке внизу, и если я струшу, никто из посторонних глаз не осудит меня за то, что я пока недостаточно храбра, чтобы показать миру свою грудь.

— Ты можешь это сделать, — шепчу я себе, бросаю последний взгляд, приподнимаю подбородок и направляюсь к двери.

Я почти добираюсь до лестницы, ведущей на первый этаж, когда кто-то хватается меня за запястье и тащит в другую комнату.

Мои глаза расширяются, когда мой босс закрывает меня за дверью своего кабинета, запирая нас внутри. Огонь бушует в его темных глазах, когда они осматривают мою обнаженную грудь, и я сопротивляюсь желанию прикрыться, вспоминая, как Эмми сказала мне, что мистер Де Лука может уволить людей за нерешительность. Я не могу сказать ему, что собиралась пойти топлесс, а потом передумать, как только кто-нибудь меня увидит.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — рычит он, когда его глаза встречаются с моими.

Мой рот приоткрывается, когда мое сердце делает двойной удар.

— Я иду на танцпол.

— Черта с два. Только не так, — приказывает он, и это меня ошеломляет.

Есть только одна вещь, которая меня зажигает и мгновенно злит, и это когда мне говорят, что я не могу сделать что-то, на что, как я знаю, я вполне способна.

— Смотри.

Я делаю шаг к двери, но мой босс хватается меня и прижимает к двери своим большим телом так быстро, что я не успеваю среагировать.

— Когда я отдаю приказ, милая, ты выполняешь его. Разве в колледже больше не учат подчиняться своему боссу? — Он так близко, что я чувствую исходящий от него жар. — Ты не пойдешь туда в таком виде и точка.

Я вздергиваю подбородок и встречаюсь с ним взглядом.

— Почему? Все другие девушки бегают без топа и зарабатывают гораздо больше денег, чем я, так что мне нужно делать то же самое, если я хочу заработать достаточно денег, чтобы сохранить дом моих родителей.

Его большие пальцы обхватывают мое лицо, и грубая подушечка большого пальца касается моей нижней губы. Это такое чувственное прикосновение, что мои колени немного ослабевают, а рот приоткрывается.

— Мне насрать, что делают другие девушки, потому что они не ты. Ты особенная, и будь я проклят, если позволю какому-нибудь другому мужчине видеть тебя такой.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Какому-нибудь другому мужчине? — Спрашиваю я его.

Его темные глаза опускаются к моему рту, и он как будто раздумывает, целовать ли меня. Я не уверена, как бы я к этому отнеслась. Хотя, признаюсь то, что он так близко ко мне, заводит меня, спать с моим боссом — не самый умный поступок.

— Если ты хочешь продолжать работать на меня, надевай свой топ и марш вниз. — Его рука скользит по моему горлу. — Никогда больше не делай таких трюков, Фиона, или в следующий раз я не буду таким милым. — Он делает шаг назад, создавая, между нами расстояние. — Одевайся, — приказывает он.

Он пристально наблюдает за мной, пока я надеваю верхнюю часть униформы и зашнуровываю ее. В моем животе порхают бабочки, и осознание того, что он наблюдает за мной, возбуждает меня каким-то извращенным образом. Тепло его взгляда делает странные вещи с моим телом, которые я не могу объяснить, и это заставляет меня задуматься, не сошла ли я с ума, потому что я жажду, чтобы он снова был рядом со мной.

Одевшись, я положила руки на бедра.

— Лучше?

— Да, — снова рычит он с выражением облегчения, а затем прислоняется спиной к своему столу. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но его голос останавливает меня. — Фиона?

Я поворачиваюсь к нему лицом, оставляя руку на дверной ручке.

— Если у тебя есть парень, избавься от него.

Я нахмурила брови.

— Не то, чтобы это было вашим делом, но у меня его нет, и никогда не было.

Не давая ему больше времени на то, чтобы лезть в мою личную жизнь, я поворачиваюсь, открываю дверь и направляюсь вниз, совершенно расстроенная тем, что это будет еще одна дерьмовая ночь без чаевых.

После того, как Эмми закончила свое выступление на главной сцене, она задевает меня своим плечом, пока я жду у бара напитки для клиентов.

— Струсила показать свои пышные сиськи, да?

Я прикусываю язык, чтобы не сказать ей правду, потому что то, что произошло между мной и боссом, — это личное, и мне кажется неправильным делиться этим.

— Что-то вроде того.

Она наклоняет голову, наблюдая, как я ставлю напитки на поднос.

— Ну, тогда тебе придется поднять свой уровень флирта.

Я смотрю на нее и закатываю глаза.

— Этим парням плевать на то, что девушка с ними флиртует. Им нужны буфера у них перед носом, и только так я смогу получить хорошие чаевые. Ты сама это сказала.

Она отмахивается от меня.

— Я знаю, что сказала, и я все еще думаю, что показ сисек принесет больше всего денег, но многие из этих парней одиноки. Они ищут кого-то, кто подружится с ними и заставит их почувствовать себя особенными, так что вилай своей задницей перед их лицом и хлопай глазами. Они подкинут тебе немного денег.

Я пожимаю плечами.

— Стоит попробовать.

Я снова выхожу на танцпол, и, хотя я ужасно неопытна во флирте, я должна попробовать что-то сделать, чтобы получить больше чаевых. С тех пор как я начала работать, минимальное общение не очень-то способствовало пополнению моего кошелька.

Я положил салфетку перед светловолосым мужчиной лет за тридцать в футболке и джинсах, а затем поставила бутылку пива.

— Держи, красавчик.

— Спасибо, — пренебрежительно говорит он, не отрывая взгляда от девушки на сцене.

Я провожу пальцами по его руке.

— В любое время. Дай мне знать, если тебе понадобится что-то еще.

Прикосновение срабатывает, и он поднимает на меня глаза. Его рот открывается, и он оценивает меня с головы до ног. Теперь, когда я полностью завладела его вниманием, не знаю, что с этим делать, поэтому я стою и позволяю ему разглядывать меня.

— Вау. Ты чертовски сексуальна. Танцуешь приват танцы, потому что я бы с удовольствием получил от тебя один. — Это первый раз, когда кто-то спрашивает меня об этом, так что в этом флирте что-то есть.

Качаю головой, отчего мои рыжие локоны пружинят вокруг лица, и я краснею.

— Я? Нет. Я просто официантка.

— Чертовски жаль. Ты самая горячая цыпочка в этом месте, и я бы с удовольствием посмотрел на твои сиськи и киску.

Мысль о том, что этот мужчина увидит меня голой и получит стояк, вызывает холодок по позвоночнику. Это не то же самое чувство, которое я испытывала, когда думала о том, чтобы сделать своего босса твердым. Мысль о том, чтобы показать этому мужчине мои интимные места, меня совсем не возбуждает.

Я пожимаю плечами.

— Извини. Мой босс не разрешает мне раздеваться здесь.

— Почему, черт возьми, нет? — спрашивает мужчина. — Он мог бы сколотить на тебе целое состояние.

— Не уверена, — говорю ему. — Но дай мне знать, если тебе понадобятся еще напитки.

Мужчина кивает.

— Продолжай приносить пиво. Мои приятели будут здесь с минуты на минуту, а мы здесь, чтобы повеселиться.

— Хорошо, — говорю я ему, а затем поворачиваюсь, чтобы проверить остальных посетителей моей секции.

По мере того, как ночь продолжается, блондин становится все более пьяным вместе со своими шумными друзьями, но меня это не беспокоит. Каждый раз, когда я останавливаюсь у его столика, я получаю чаевые — большие чаевые, поэтому я продолжаю улыбаться и кокетливо прикасаться к ним. Не знаю, почему Эмми не подкинула мне эту идею раньше. Если они продолжают в том же духе, я заработаю больше двухсот баксов чаевых только за сегодняшний вечер от их группы.

— А вот и она, — промурлыкал блондин. — Когда мы пойдем трахаться?

Безошибочное ощущение прикосновения чьей-то кожи к моей заставило меня замереть после того, как я поставила его пиво. Рука мужчины скользит по задней части моей голой ноги, а затем ложится на мою задницу. Я мотнула головой назад, чтобы приказать мужчине убрать от меня руки, но не успела произнести ни слова.

Мистер Де Лука бросается к нам и отрывает руку мужчины от меня, раздается треск. Из моего горла вырывается вздох, когда я вижу перед собой жестокую сцену.

— Какого черта?! Ты сломал мою гребаную руку! — Мужчина кричит от боли, и все взгляды в этом месте прикованы к разворачивающемуся действию. — А-а-а!

Кивком головы босса два огромных сотрудника службы безопасности выхватывают мужчину из сидения и тащат его к двери. Друзья мужчины без споров следуют за ним.

Мой босс смотрит им вслед, его плечи заметно поднимаются, а затем опускаются с каждым вдохом, пока он стоит со сжатыми кулаками. Когда он поворачивается ко мне лицом, в его глазах появляется что-то дикое и выглядит он устрашающе.

— В мой офис, Фиона. — Когда я не двигаюсь с места, он выходит из себя — Сейчас же.

Я подпрыгиваю от звука его команды. Срываясь с танцпола, я почти бегу на второй этаж. Миллион мыслей проносятся в моей голове, и беспокойство овладевает мной, поскольку я переживаю, что мой неприкрытый флирт мог стоить мне работы, а также того, что рука мужчины раскололась надвое.

Беспокойство, охватившее мой мозг, не позволило мне заметить, что мой босс идет за мной по пятам, когда я вхожу в его кабинет. Он входит и захлопывает за собой дверь, заставляя меня подпрыгнуть.

Он вышагивает передо мной, и мое сердце гулко бьется в грудной клетке. Я еще никогда не видела своего босса таким взбешенным. Обычно он хорошо контролирует себя, но эта его сторона дикая и, честно говоря, немного пугающая.

— Я уволена? — спрашиваю, пытаюсь понять, как сложится моя судьба в клубе.

Он поворачивает голову в мою сторону, и его брови над темными глазами выглядят хмурыми.

— Уволена? Нет, но это было бы разумно. Я ни за что не буду сидеть сложа руки и позволять какому-то недостойному ублюдку прикасаться к тебе, а это плохо скажется на бизнесе. Очень, блядь, плохо. Мой клуб не может получить такую репутацию, где владелец ломает руки мужчинам, которые трогают девушек в его клубе. Находясь рядом с тобой, я становлюсь безрассудным, а это плохо для бизнеса.

— Я не понимаю, — говорю я. — Разве я сделала что-то не так? Все остальные девушки...

— Я уже говорил тебе, что мне плевать на то, что делают другие девушки, — рычит он. — Никто не тронет тебя в этом клубе, потому что я этого не позволю. Ты им не принадлежишь.

— Я никому не принадлежу, — напоминаю я ему, потому что не понимаю, к чему он клонит.

Он поднимает уголок рта, ухмыляясь.

— Вот тут ты ошибаешься, милая. В тот момент, когда ты переступила порог моего офиса, ты стала принадлежать мне. Ты просто еще не знала этого.

Я тяжело сглатываю, когда он делает шаг ко мне, как хищник, преследующий свою жертву.

— Вам? Мистер Де Лука...

— Доминик, — поправляет он. — Именно это имя я хочу слышать на этих губах, когда ты обращаешься ко мне с этого момента. — Он делает еще один шаг, сокращая расстояние между нами до нескольких сантиметров. — Я хочу тебя, Фиона. Я сделал все возможное, чтобы отказать себе в возможности обладать тобой, но после того, как я увидел тебя полуобнаженной в моем офисе ранее и твой запах вьелся в мой мозг, я могу думать только о том, чтобы попробовать тебя на вкус. Услышать, как ты выкрикиваешь мое имя, пока кончаешь на мой язык.

Мой рот открывается, когда его твердая грудь прижимается ко мне, а его мускулистые руки обвивают мою талию. Ощущение его близости заставляет мое тело гудеть от потребности. Это неправильно, чертовски неправильно, но я хочу его.

Он заставляет меня чувствовать себя желанной, и это меня заводит. Мои трусики становятся влажными после его порочных обещаний удовольствия, и я хочу, чтобы он выполнил то, что говорит.

Мои руки скользят по его груди, по мягкому материалу рубашки, и мне хочется узнать, такой ли он накачанный, как я себе представляю под этим костюмом.

Он облизывает губы и наклоняет голову, позволяя своему рту нависнуть над моим.

— Скажи мне сейчас, если ты не хочешь этого делать. Как только мы переступим эту черту, пути назад уже не будет.

Я смотрю на него из-под темных ресниц и прикусываю нижнюю губу. Чего Доминик не знает, так это того, что я тоже отказывала себе — не только ему, но и любому мужчине. Я никогда не освобождала себя настолько, чтобы ко мне прикоснулся кто-то другой, и пришло время это изменить. Я хочу, чтобы Доминик изменил это.

— Поцелуй меня, — приказываю я и это именно то, чего он ждал.

Горячий рот Доминика прижимается к моему, а его руки еще крепче прижимают меня к его телу. Его язык застыл у моих губ, умоляя о проникновении, и как только я позволяю ему войти, он кружится с моим в медленном, обдуманном танце. Мои руки сжимают материал его рубашки, в то время как его руки находят путь к моим волосам.

Я хнычу, когда он отстраняется и покусывает мою нижнюю губу. Его пальцы быстро справляются со шнурками на моем топе, освобождая мою грудь, когда он стягивает материал из спандекса вниз.

— Никто, кроме меня, этого не увидит, — рычит он, пока его большие пальцы массируют кожу на моей левой груди, прежде чем он проводит пальцем взад и вперед по моему соску. — Никто. Понятно?

Я киваю, и это, кажется, доставляет ему удовольствие, потому что он улыбается настоящей гребаной улыбкой и говорит.

— Хорошая девочка.

Его рот снова прижимается к моему, и меня охватывает потребность увидеть, как он выглядит. Мои руки скользят по мускулам его плеч, и я стягиваю с них пиджак. Он точно знает, чего я хочу, потому что заканчивает снимать его и бросает на стол.

Мое сердце колотится, когда я ослабляю его галстук, зная, что это конец. Я вот-вот потеряю девственность с мужчиной, которого едва знаю, и мне насрать. Я хочу, чтобы это было с ним. Я хочу, чтобы он принял это. Как только галстук снят, и я расстегиваю все пуговицы его рубашки, рука Доминика хватается меня за запястье, прежде чем я успеваю добраться до пуговицы его брюк.

Он качает головой.

— Сегодняшний вечер посвящен тебе. Я сказал, что хочу попробовать тебя на вкус, так что это то, что произойдет. Я буду есть твою киску, пока твои сливки не покроют мой язык, и ты не выкрикнешь мое имя. — Он разворачивает меня, и моя задница прижимается к краю его стола. — Раздевайся.

Будто я пробуюсь на роль одной из девушек на сцене, Доминик делает шаг назад и смотрит на меня полуприкрытыми глазами, пока я делаю в точности то, что он просит. Сначала я снимаю топ и позволяю ему упасть на пол, затем двигаюсь, чтобы снять шорты из спандекса, которые на мне надеты. Я стою там в одних черных туфлях на высоченных каблуках, полностью выставленная перед ним напоказ. Самое странное, что я не чувствую себя застенчивой, как я думала, когда впервые обнажусь перед парнем или мужчиной. Доминик определенно настоящий мужчина. Наоборот, то, как он смотрит на меня, заставляет меня поверить, что я — десерт, который ему не терпится попробовать. Он хочет меня. Даже я могу сказать, как сильно он меня хочет.

Его пристальный взгляд скользит по моему телу, начиная с ног и заканчивая лицом.

— Чертовски идеально, как я и предполагал.

Он возвращается и лихорадочно целует меня, одновременно срывая с себя рубашку, прижимаясь своей горячей кожей к моей. Мои соски напрягаются от трения о легкую россыпь волос на его груди. Мои пальцы исследуют его рельефный пресс, и когда они спускаются к поясу его брюк, он хрипит.

— Блядь, — рычит он, опускаясь передо мной на колени.

Без предупреждения, он перекидывает мою левую ногу через плечо. Правой рукой он раздвигает мои самые чувствительные складочки и ныряет внутрь. Мои бедра выгибаются в тот момент, когда его язык соприкасается с моим клитором.

— Господи, — шиплю я сквозь стиснутые зубы, и это, кажется, только ободряет его, потому что его язык быстрее двигается из стороны в сторону, и через несколько секунд все мое тело вибрирует. Я хватаю его за волосы, удерживая на месте, когда кончаю и выкрикиваю его имя. — Доминик. О... Боже мой.

Когда я спускаюсь с небес на землю, я уверена, что он остановится, но он продолжает, лаская мою кожу и покусывая мой чувствительный бугорок зубами.

Моя голова откидывается назад, и когда я думаю, что вот-вот потеряю сознание, меня охватывает новое ощущение. Ощущение того, как Доминик вводит в меня палец, заставляет меня замереть. Я смотрю на него сверху вниз, напряженная до предела, когда он добавляет второй палец.

— О, черт, — задыхаюсь я, заставляя его приостановиться и посмотреть на меня. — Остановись.

— Я делаю тебе больно? — спрашивает он, приподняв бровь.

— Н-нет. Это потрясающее чувство, но я никогда... — Я замолкаю.

Как я могу объяснить своему боссу, владельцу стрип-клуба, в котором я работаю, что я девственница, без того, чтобы он не рассмеялся мне в лицо из-за моей жалкой сексуальной истории? Кроме того, я не так представляла себе ее потерю. Я хочу немного романтики, связанной с моим первым разом.

Он пристально изучает меня, его два пальца все еще глубоко внутри меня.

— Ты никогда не что? Занималась сексом?

Мой лоб хмурится, и на мгновение я боюсь, что могу заплакать.

— Фиона? Ответь мне, — приказывает он.

— Нет, — шепчу. — Я этого не делала.

Его рот приоткрывается, когда он смотрит на меня, и когда он вытаскивает из меня свои пальцы, меня на мгновение охватывает стыд, прежде чем он поднимает два пальца, покрытых моей влагой, к своему рту и сосет их. На его лице выражение эйфории, в то время как его глаза остаются прикованными к моим.

— Неудивительно, что ты такая чертовски сладкая на вкус. Ты спелая и вкусная — как рай на языке. — Он целует гладкий холмик над моими губками. — Я собираюсь взять твою

вишенку, милая, но это будет не сегодня. И уж точно не в моем кабинете на втором этаже стрип-клуба. Я сделаю это чертовски хорошо для тебя, и твое ожидание того стоит, и покажу тебе, что я этого достоин.

Он встает и целует меня в губы, позволяя мне попробовать себя на вкус.

— Ты моя, Фиона. *Моя.*

Глава 6

Фиона

Папа говорил со скоростью света, поэтому его было трудно понять.

— Подожди. Пап. Давай. Не так. Быстро, — говорю я ему. — Что случилось?

— Два года, Фиона, — говорит он со смехом и слезами, пытаясь отдышаться. — Ипотека была выплачена за следующие два года. Я не знаю, как ты это сделала, милая, но мы благодарны тебе и твоему другу.

— Моему другу? — спрашиваю я.

— Тот, кто позаботился о доме, чтобы мы его не потеряли. — На папином конце линии раздается шелестящий звук, как будто он перелистывает стопку бумаг. — Доминик Де Лука.

У меня отвисает челюсть.

— Доминик выплатил ипотечный кредит?

— Да, — просто отвечает папа. — Разве ты не знала об этом?

Если я скажу папе правду — что я не знала, что мой горячий босс сделал это, — он задаст так много вопросов о том, почему человек, которого я едва знаю, был готов выложить так много денег, чтобы спасти дом моих родителей. Итак, в данном случае, я чувствую, что лучшим вариантом было бы солгать, а затем обсудить все это непосредственно с Домиником лично.

— Конечно, я знала. Я была не в курсе, что он уже оплатил. Мы договорились о внесении аванса в мою зарплату, а остальное — ссуда. Я планирую все ему вернуть.

— Ты поблаговаришь его за меня? В банке сказали, что он не хотел оставлять свою контактную информацию. Что платежи были подарком, и нам не нужно было беспокоиться о том, чтобы вернуть их.

— Это правда? — Мои губы кривятся, когда я задаюсь вопросом, что могло заставить Доминика сделать что-то подобное.

— Да. И я должен сказать, что тот, кто готов помочь другому в трудную минуту — по-настоящему является доброй душой.

Доминик? Добрая душа?

Воспоминания о Доминике, ломающем руку мужчине за то, что он прикасался ко мне, а затем большую часть времени был властным козлом, не говорят мне о доброй душе, так что мне становится интересно, что он хочет получить взамен за помощь.

Я сажусь в автобус в центре города, чтобы добраться до клуба на час раньше, чем я планировала прибыть на свою смену сегодня вечером. Трэвис открывает черный ход и позволяет мне войти внутрь, где я поднимаюсь прямо по лестнице в кабинет Доминика.

Я не утруждаю себя стуком в его дверь, потому что полагаю, что на данный момент формальности позади, и я немного спешу понять его мотивы по предоставлению денег.

Темные глаза Доминика вспыхивают удивлением, и я закрываю за собой дверь. Он смотрит на мое лицо и откидывается на высокую спинку кожаного сиденья, устраиваясь поудобнее.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но он поднимает руку, фактически прерывая меня.

— Если ты здесь, чтобы поблагодарить меня за подарок... не надо. Я не раздаю такие деньги, не ожидая чего-то взамен.

Я складываю руки на груди, готовясь к его условиям, потому что я знала, что это произойдет. Я знала, что такой человек, как Доминик, не раздает деньги на благотворительность, если это не принесет ему какую-то пользу.

— Чего Вы хотите?

Он наклоняет голову.

— Ты уже знаешь, чего я хочу, Фиона, и что-то подсказывает мне, что, если бы я продолжал есть твою сладкую киску прошлой ночью, ты бы умоляла меня лишить тебя девственности вместо того, чтобы останавливать меня.

Я сжимаю губы.

— Ты думаешь, что, помогая моей семье, ты купишь и мою девственность?

Он качает головой, а затем вскакивает со своего места.

— Ты все равно собиралась преподнести мне этот подарок. Мы с тобой оба это знаем, поэтому я хочу дать тебе кое-что взамен. Я не знаю, какова вероятность потери девственности, но я подумал, что спасение дома твоей семьи — отличная отправная точка.

Спать с ним по этой причине мне не нравится.

— Я не проститутка.

— Я никогда не говорил, что ты такая. — Он встает передо мной, а затем прислоняется спиной к своему столу, обхватывая его края своими длинными пальцами, которые были во мне прошлой ночью. — Думай об этом как о деловой сделке. Ты получаешь то, что хочешь, и я получаю то, что хочу.

— Нет, — говорю я ему. — Я не соглашусь на это. Моя девственность, черт возьми, не продается.

Он проводит языком по нижней губе.

— На что ты согласна?

— Я могу вернуть деньги, как только закончу медучилище, и, конечно, Вы можете оставить себе то, что я зарабатываю здесь, чтобы оплатить кредит.

Из него вырывается мрачный смех.

— Моя милая Фиона, такие кредиты не имеют процентных ставок и условий погашения. Когда я раздаю такие наличные, я ожидаю взамен оплаты, основанной на самопожертвовании.

— Какого рода пожертвование? — Целый мир возможностей проносится у меня в голове, и я прикусываю кончик языка, ожидая его ответа.

— Ты переедешь ко мне, — говорит он, в то время как его темные глаза изучают меня.

— Я, конечно же, этого не сделаю, — парирую я. — Я едва знаю Вас и...

— И все же ты кончила мне на язык. Я думаю, мы очень хорошо узнали друг друга. — На его лице появляется высокомерная ухмылка. — Кроме того, я не прошу тебя остаться навсегда, только на месяц.

— Месяц? — уточняю я. — И мы не говорим о сексе или о чем-то еще, просто я остаюсь у Вас дома?

— Я никогда не заставлял ни одну женщину делать что-то, что ей не понравится, и я не буду начинать с тебя. Если ты не хочешь трахнуть меня прямо сейчас. Отлично. Я подожду. Но в конце концов, мы оба знаем, что это произойдет. Нас влечет друг к другу, а с таким влечением, как наше, нельзя бороться вечно. Наши тела подобны магнитам, и они найдут свой путь друг к другу.

Его слова пронеслись у меня в голове, и он кажется таким уверенным в своем предсказании о том, что мы будем спать вместе, но, если мне с ним некомфортно, этого не произойдет. Доминик не понимает, что у меня стальная сила воли.

— Хорошо, — говорю я. — Я останусь с Вами, но в ту минуту, когда я почувствую себя не в безопасности у Вас дома или рядом с Вами, я уйду, и сделка расторгается. — Я протягиваю ему руку, чтобы скрепить ее.

Он берет мою руку в свою и проводит большим пальцем по гладкой коже на тыльной стороне моей ладони.

— Договорились. Ты могла бы также собрать все, что тебе нужно на месяц, потому что я обещаю тебе, пока ты со мной, ни один мужчина никогда не тронет тебя пальцем. — Он притягивает меня к своей груди и смотрит на меня сверху вниз. — Потому что, если они тронут тебя, я, блядь, убью их.

Дрожь пробегает по моему телу, и, судя по напряженному выражению лица Доминика, я верю, что он может быть достаточно сумасшедшим, чтобы выполнить это обещание.

Глава 7

Фиона

Молния на моей розовой спортивной сумке Nike надежно скрывает мою одежду внутри. Я собрала вещей только на неделю, потому что, несмотря на то, что думает Доминик, я сомневаюсь, что проживу у него целый месяц. Даже если мне будет комфортно жить у него, я уверена, что он скоро устанет от меня, как только увидит, что я провожу все свое время вне клуба за учебой и абсолютно не веселюсь.

Два быстрых стука в мою дверь заставляют меня подпрыгнуть.

Дерьмо. Уже полдень, а это значит, что более чем вероятно, Доминик здесь, чтобы забрать меня, как и обещал. Я не ожидала, что он дойдет до моей комнаты, чтобы забрать меня. Я полагала, что он отправит властное сообщение, приказывающее мне спуститься вниз.

Я открываю дверь, и Доминик хмуро смотрит на меня.

— Ты никогда не должна открывать, не зная точно, кто находится по ту сторону двери.

— Но я знала, что это будешь ты, — возражаю я.

Он качает головой.

— Нет, ты этого не знала. Я никогда не говорил, что поднимусь к тебе, чтобы забрать.

Открывать дверь всегда рискованно для такой молодой женщины, как ты. Мужчина мог бы ворваться сюда и изнасиловать тебя.

Мои глаза расширяются.

— Кампус безопасен. Этого никогда бы...

— Скажи это каждой молодой девушке, которую когда-либо насиловали в кампусе колледжа. Мир — очень недоброе место, и ты всегда должна быть бдительной. — Он сокращает расстояние между нами и касается моей щеки. — Твоя безопасность, черт возьми, очень важна для меня. Я защищаю то, что принадлежит мне, любой ценой, и теперь это касается и тебя.

Я шокирована. Мысль о том, что такой могущественный мужчина требует меня в свою собственность, вызывает во мне трепет. Мне не должен нравиться тот факт, что он пытается владеть мной, обладать мной, но мне нравится.

Что, черт возьми, со мной не так?

Я смотрю на Доминика, и он кажется таким неуместным в этой крошечной комнатке. Его властное присутствие делает комнату такой маленькой, что она едва может вместить его. Хотя сегодня он одет небрежно, в приталенные темные джинсы и белую футболку вместо костюмов, которые он обычно носит, он все равно выглядит неуместно. У Доминика почти царственная аура, которая не сочетается с большинством других парней, бегающих по этому кампусу.

Его рука скользит вниз по моему горлу.

— Ты собрала все вещи?

Я киваю на сумку, лежащую на моей кровати.

— Прямо перед тобой.

Его темный взгляд изучает мою сумку, и он издает тихий смешок.

— Этой одежды вряд ли хватит на месяц.

— Это не так, — говорю я ему. — У меня не такой большой гардероб, но, несмотря на это, я сомневаюсь, что останусь у тебя на весь месяц.

Одна из его темных бровей вопросительно выгибается.

— Ты планируешь отказаться от нашей сделки? Или, может быть, ты планируешь трахнуть меня сейчас, чтобы не оставаться со мной?

— Я не собираюсь заниматься с тобой сексом.

Высокомерная улыбка расплывается на его лице.

— Ты продолжаешь говорить себе это, милая, но скоро ты не сможешь отказывать себе в том, чего действительно хочет твое тело.

Мой рот приоткрывается, но он просто снова смеется, прежде чем прижаться своими губами к моим.

— Ладно. Давай отправимся ко мне домой.

Доминик берет сумку с кровати и закидывает ее на плечо, затем хватая меня за руку и выводит за дверь.

Не это я ожидала увидеть, когда пыталась представить дом Доминика Де Луки. В моем воображении я представляла его жилище как квартиру с декором, стилизованным под клуб, которым он владеет, но то, что я увидела, не похоже на тот стиль. Этот дом похож на то, что могло бы принадлежать шикарному адвокату или врачу, а не владельцу стрип-клуба.

Это был гигантский белый дом с черной крышей и каменной отделкой. Это великолепно и стильно.

Доминик сворачивает на длинную бетонную подъездную дорожку, а затем в один из отсеков своего гаража на четыре машины. Черный BMW находится на стоянке между Range Rover и каким-то красным спортивным автомобилем.

Он ловит мой пристальный взгляд и спрашивает:

— Какая тебе больше нравится?

— Ч-что?

Он наклоняет голову и изучает меня.

— Машина, которая тебе больше нравится, твоя, можешь пользоваться ею, как тебе заблагорассудится, пока ты остаешься со мной. Я не всегда смогу возить тебя на все занятия, так что возьми одну из моих машин.

— Эм, вау. Хорошо. Спасибо, — говорю ему, и он ухмыляется мне.

— Но, когда я буду свободен, я буду с тобой каждую минуту, которая у тебя есть. Я отвезу тебя в кампус и в клуб, если смогу.

Я открываю рот, чтобы поблагодарить его еще раз, но потом понимаю, что на самом деле он говорит, что будет распоряжаться всем моим свободным временем так, как сочтет нужным, и меня это совсем не устраивает.

— Я вполне способна сама сесть за руль в любое время, когда мне понадобится куда-то поехать.

— Так и есть, — соглашается он. — Но теперь, когда ты моя, моя работа — постоянно следить за тем, чтобы ты была в безопасности.

— Ты немного перегибаешь палку, тебе не кажется? Я была в полной безопасности без твоей защиты. Почему ты чувствуешь потребность задушить меня своей заботой?

Его темные глаза встречаются с моими, и он говорит:

— Когда ты со мной, ты становишься мишенью. Есть люди — целый гребанный мир, таких людей, как ты — наивные, до тех пор, пока они не попадут под прицел насилия. Ты такая невинная, и я хочу оградить тебя от этого. — Он прерывисто вздыхает. — Лучшее, что я могу для тебя сделать, это уйти, потому что ты не принадлежишь моему миру, но теперь я попробовал тебя на вкус, так что пути назад для меня нет.

Он касается моего лица так нежно, что мне хочется наклониться к нему.

— Ты так чертовски великолепна, Фиона, и хоть я не заслуживаю кого-то столь же чертовски чистого, как ты, я все равно беру тебя. Ты можешь возненавидеть меня, когда закончится этот месяц, но я готов воспользоваться этим шансом, чтобы быть с тобой, почувствовать твою доброту, пусть даже ненадолго.

Я в замешательстве приподнимаю брови, глядя на него пока его слова оседают у меня в голове. Хотя я знаю, что Доминик вполне способен на насилие из-за своей ревности, я не вижу никакой реальной опасности в том, чтобы проводить с ним время. В клубе я ни разу не чувствовала, что моей жизни что-то угрожает, поэтому я немного сбита с толку тем, о чем он говорит.

— Пойдем. Давай устроим тебя, — говорит он, прежде чем выйти из машины и обогнуть ее, чтобы открыть дверь, как настоящий джентльмен.

Забрав из багажника мою сумку, он берет меня за руку и ведет в дом через дверь гаража. Первое, что я замечаю в прихожей, помимо того, что она больше моей комнаты в общежитии, это мониторы системы безопасности на стене, показывающие каждый угол дома.

— Твой дом похож на Форт-Нокс, — дразню его, изучая экраны. — Зачем столько камер?

— Они необходимы, — говорит он, а затем бесстрастно пожимает плечами.

— Правда? Зачем?

— Скажем так, это из-за моего семейного бизнеса. Такие мужчины, как я, должны всегда быть внимательны к своему окружению.

Я качаю головой и смеюсь.

— Ты говоришь так, будто ты в мафии или что-то в этом роде. Я не могу представить, чтобы кто-нибудь из пьяных парней из клуба выследил тебя дома. — Я ожидаю, что он присоединится ко мне и рассмеется, но он стоит с каменным лицом, а затем поднимает бровь, как бы спрашивая, что смешного. Улыбка сходит с моего лица, когда я понимаю, что он серьезно. — Подожди? Ты в мафии?

— Нет, — говорит он хрипловато. — Я нет, но имя Де Лука известно в этом мире. Иногда приходят люди, которые хотят использовать меня как рычаг против моих дядей, но я отказываюсь быть частью этой жизни и не боюсь прибегнуть к насилию, чтобы донести эту мысль, если потребуется.

Я тяжело сглатываю и возвращаюсь к изучению мониторов. Теперь это имеет смысл — вся паранойя Доминика о необходимости защищать меня и чрезмерная охрана. По мне пробегает холодок, заставляя все мое тело слегка дрожать.

Он притягивает меня к себе и смотрит на меня сверху вниз.

— Не бойся, милая. Как я тебе уже говорил, если кто-то попытается причинить тебе вред, я убью его на хрен. Тебе нечего бояться, пока ты со мной. Ясно?

В его глазах светится искренность, и я верю, когда он говорит, что защитит меня. С ним я чувствую себя в безопасности.

— Да.

Доминик удивляет меня, когда ведет меня на кухню, подходящую для семьи из реалити-шоу, и приказывает мне сесть за стойку, пока он готовит для нас ужин. То, что он такой домашний, делает его более человечным и способным на эмоции, а не ворчливым боссом, которого я узнала в клубе за последние пару недель.

Доминик ставит передо мной тарелку с одним из самых аппетитно выглядящих стейков, которые я когда-либо видела, и запеченный картофель. Он ставит винный бокал на гранитную столешницу рядом с моей едой и откупоривает бутылку вина.

Когда красная жидкость наполняет бокал, он приказывает:

— Пей. Оно хорошо сочетается с мясом.

Я делаю глоток, когда он садится рядом со мной и наливает себе, а затем нарезает стейк. Наслаждаюсь вкусом, когда жидкость попадает мне на язык.

— Это фантастика.

— Стоит около четырехсот долларов за бутылку.

Я чуть не выплевываю вино, услышав, сколько оно стоит, но воздерживаюсь, потому что не хочу тратить впустую ни одной дорогой капли.

— Почему ты заплатил столько за бутылку вина?

— Почему бы и нет? Мне нравится иметь самые изысканные вещи в жизни — это вино и ты — оба хорошо подходят моему вкусу.

Легко определить, когда кто-то по-настоящему богат, потому что, что-то вроде бутылки вина за четыреста долларов, для него ничего не значит. В то время как кто-то вроде меня попытался бы выяснить, как его продать и использовать деньги для оплаты какого-то

просроченного счета моей семьи. Но есть кое-что еще, что беспокоит меня — все эти разговоры о том, что я принадлежу ему.

— Знаешь, я не собственность, — говорю я ему.

— Я осознаю это, но это не меняет того, что я чувствую, и это не меняет того факта, что ты моя. — Его голос пропитан уверенностью.

— Я никогда не соглашалась быть твоей, — напоминаю я ему.

— Пока нет, — говорит он. — Однако это не делает всё менее правдивым. Скоро ты поймешь и согласишься быть моей и только моей.

— Ты так думаешь?

— Без сомнения. Нет такого испытания, в котором я не мог бы победить.

Я выгибаю бровь.

— Значит, я — вызов? Так вот в чем заключалась вся эта сделка? Ты решил, что сможешь измотать меня быстрее, если я перееду к тебе?

Он быстро качает головой.

— Нет. Переезд ко мне позволит тебе узнать меня лучше и увидеть, что мои намерения по отношению к тебе благородны.

— Желание быть мужчиной, который хочет быть со мной только для того, чтобы лишиться меня девственности, почетно? Вот почему ты перевез меня сюда, верно — чтобы заняться со мной сексом?

Он переводит взгляд на меня.

— Требовать твоей девственности — это то, чем я буду наслаждаться, но я хотел сделать тебя своей до того, как мои пальцы оказались внутри тебя и обнаружили твою чистоту. Так что, нет. Желание трахнуть тебя и сделать своей не имеет ничего общего с твоей девственностью, но я не буду лгать и говорить, что мне, черт возьми, не понравится это.

Я проглатываю свою еду, а затем изучаю его лицо, и задаю вопрос, который горит у меня в голове.

— Итак, если мое нахождение здесь не имеет ничего общего с тем фактом, что я девственница, то почему я здесь? Почему я? Ты можешь выбрать любую девушку в клубе или, я уверена, в любом другом месте. Ты молодой, чрезвычайно красивый, богатый мужчина. Ты можешь заполучить любую девушку, какую захочешь.

Он медленно облизывает губы и пристально смотрит на меня.

— Все это правда, но я хочу *тебя*. Это *ты* меня интригуешь, и я хочу тебя узнать. Не каждый день я встречаю женщину столь же умную, сколь и красивую, и я всегда знал, что если найду ее, то сделаю своей женой.

Мои глаза расширяются.

— Женой?

Он ухмыляется.

— Расслабься. Я не планирую переходить с тобой на этот шаг... пока. Как я уже сказал, я хочу узнать тебя получше. Ты чертовски сексуальна, и твои рыжие волосы сводят меня с ума, так что трахать тебя и только тебя всю оставшуюся жизнь не будет проблемой. Плюс, я уже знаю, что нравлюсь тебе, потому что не представляю, что ты позволила бы кому попало попробовать твою сладкую киску, если бы не находила их привлекательными.

Он меня подловил. Доминик Де Лука — абсурдно привлекательный мужчина. Его лицо и тело могли бы соперничать с лучшими моделями мира, а уверенность, с которой он держится, очень привлекательна. Вожделение к нему и то, как мое тело само по себе реагирует на него, вот почему я позволила ему опуститься вниз. С той ночи в его кабинете я только и делала, что представляла, каково это — заниматься с ним сексом и как его член будет входить в меня.

Моё лицо становится красным, и темные глаза Доминика устремлены на меня поверх бокала, когда он делает глоток. В его глазах появляется игривый огонек, как будто он знает, что я думаю о сексе с ним, а затем он подмигивает мне.

Я опускаю глаза на стойку передо мной, и он протягивает руку и приподнимает мой подбородок указательным пальцем, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Тебе не нужно стесняться того, что ты хочешь трахнуть меня. Я тоже хочу трахнуть тебя. Вот почему мы здесь. После того, как этот месяц закончится, мы либо выйдем друг друга из колеи, либо будем так безумно влюблены, что ничто и никогда не разлучит нас.

Я моргаю несколько раз.

— Ты думаешь, чтобы влюбиться, нужен всего месяц?

Его рука движется, чтобы обхватить мое лицо.

— Нет никаких установленных правил относительно времени, необходимого для того, чтобы полюбить кого-то. Я твердо убежден, когда ты найдешь того, кто тебе нужен, ты узнаешь об этом, возможно, даже сразу.

Я улыбаюсь.

— Ты веришь в любовь с первого взгляда?

Он слегка пожимает своими широкими плечами.

— Что-то вроде этого.

Я смеюсь.

— Доминик Де Лука, я думаю, что под фасадом сварливого босса, которого ты демонстрируешь в клубе, скрывается более нежная часть тебя.

— Мало кто видит эту сторону меня — только самые важные люди в моей жизни.

— И теперь я одна из этих людей?

Подушечка его большого пальца проводит по моей нижней губе.

— Абсолютно, блядь, абсолютно.

Он наклоняется и целует меня. Сначала поцелуй нежный, но затем он удерживает мое лицо на месте своими длинными пальцами и углубляет его. Стон срывается с моих губ, когда наши языки кружатся вместе в медленном эротическом танце. Все «что, если», о которых я должна думать и о том, что будет означать переспать с моим боссом, отодвинуты на задний план. Единственное, о чем я могу думать, это о том, как сильно я хочу его. Как сильно я хочу, чтобы он был моим первым, и, если что-то не получится после того, как я отдам ему свою девственность, мне даже все равно, потому что потребность в его теле прямо сейчас перевешивает мою логику.

Доминик встал со стула, на котором он сидел, и протиснул свои бедра между моими коленями. Твердая длина за молнией его джинсов прижимается ко мне, заставляя меня задыхаться, что быстро поглощается поцелуями Доминика.

— Боже. Я чертовски хочу тебя. Просто целуя тебя, я так чертовски возбуждаюсь, что мне больно, — хрипит он между пылкими поцелуями. — Я не могу дождаться, когда почувствую, как твоя тугая киска обхватит меня.

Его непристойные слова вызывают дрожь, пробегающую у меня по спине.

— Я тоже этого хочу.

Он перестает целовать меня и отстраняется, и мои глаза расширяются, когда я понимаю, что призналась вслух. Огонь вспыхивает в темных глазах Доминика, когда он изучает меня.

— Блядь, не играй со мной, милая. Моя сдержанность висит на волоске, и я слышу, как ты говоришь, что хочешь меня внутри себя... — Он качает головой. — Эти слова, слетающие с твоего хорошенького ротика, — это больше, чем я, блядь, могу вынести.

Это единственный шанс, который у меня будет, чтобы остановить его — сказать ему, что я не готова, — но я не хочу этого делать. То, что он говорил ранее о том, что мы неизбежно займемся сексом, потому что нас тянет друг к другу, — правда. Я хочу знать, на что похож секс, особенно с Домиником, и чем скорее он получит то, что хочет, и чего я сейчас хочу от него, тем скорее мы сможем вернуться к тому, что было раньше — он строго мой босс, потому что такой парень, как Доминик, не подходит для отношений.

Я запускаю пальцы в волосы на его затылке и встречаюсь с ним взглядом.

— Я хочу тебя, Доминик. Я хочу, чтобы ты был моим первым.

Рычание, вырывающееся из его горла, звучит почти первобытно, когда он наклоняется и набрасывается на мой рот. Разрешение взять меня, кажется, освободило зверя внутри него, потому что внезапно его руки оказываются повсюду, и как только он закончил целовать меня, он подхватил меня на руки.

— В спальню, — хрипит он, заставляя меня хихикать, когда берет меня на руки, прижимая мое тело к своей груди, и несет меня вверх по лестнице напротив кухни.

Он целует меня еще несколько раз, как только мы добираемся до верха лестницы, ведя себя так, как будто я ничего не весила в его сильных руках. Он толкает ногой приоткрытые двойные двери, а затем несет меня в свою спальню. Как только он бросает меня на кровать, он включает прикроватную лампу, освещая пространство. Как и снаружи, спальня Доминика очень традиционная, кровать California King со стеганым изголовьем и белой мебелью. Это напоминает мне о том, как именно я бы украсила свою комнату, если бы деньги не были проблемой. Это кажется немного женственным для такого мужчины, как Доминик, что вызывает вопрос.

— Ты был женат раньше? — спрашиваю я, все еще разглядывая весь этот декор.

Доминик наклоняет голову и смотрит на меня сверху вниз, явно сбитый с толку моим вопросом.

— Нет? Почему ты спрашиваешь об этом?

Я прикусываю нижнюю губу.

— Эта комната... твой дом...

— Похоже на то, что выбрала бы женщина? Ты думаешь, у меня, должно быть, была жена, которая сделала все это, не так ли? — Его губы кривятся, как будто он борется с улыбкой.

Я морщусь.

— Да, я думаю, это так.

— Ты ревнуешь? — спрашивает он, садясь рядом со мной на кровать.

— Ни для кого не секрет, что у тебя были другие женщины до меня, и мне не совсем нравится это, но нет, я не ревную ни к кому, кто был в твоём прошлом, — честно признаюсь я.

Он улыбается, а затем убирает мои рыжие кудри за плечо.

— Хорошо. Ревность – ужасное качество. Поверь мне. Я безумно ревнивый человек.

Я вспоминаю, как он сломал руку мужчине, который дотронулся до меня в клубе, и издаю тихий смешок.

— Я это заметила.

— Отвечая на твой вопрос, нет, я никогда не был женат — и по-настоящему серьезных отношений тоже никогда не было. Моя старшая сестра помогла мне выбрать дом и позаботилась о дизайне интерьера, потому что знала, что мне подойдут футоны и садовая мебель. На самом деле в сейчас я бываю дома только для того, чтобы поспать и принять душ, потому что мои дела занимают большую часть моего времени, так что мне плевать на всю эту ерунду, которую она выбрала.

Эта информация успокаивает меня, зная, что злых бывших, с которыми придется сражаться, не будет.

Доминик проводит кончиком пальца по линии моего подбородка.

— И в этой постели тоже никогда не было женщины. Только ты.

Мое сердце колотится в груди. Приятно знать, что он дает мне что-то, что тоже впервые. Мне нравится знать, что у него раньше не было секса в этой постели, но он готов привести меня сюда. Это заставляет чувствовать себя особенной.

Его рука спускается вниз по моей шее, а кончики пальцев скользят под воротник моей футболки и обводят изгибы ключицы.

— У тебя такая чертовски мягкая кожа. Я не могу перестать прикасаться к ней и хочу чувствовать каждый сантиметр, прижимающийся ко мне. — Его пальцы блуждают по

верхней части моей груди, и я делаю быстрый вдох. — Я планирую не торопиться с тобой сегодня и сделать так, чтобы тебе было хорошо. Ты доверишься мне?

Я облизываю губы и киваю, потому что Доминик никогда не давал мне повода не доверять ему.

— Хорошо, — говорит он, а затем наклоняется и целует меня.

Его губы мягкие, но властные, и он настолько искусен, что вскоре полностью снимает с меня футболку и леггинсы, которые на мне надеты, оставляя меня только в моем кружевном белом лифчике и подходящих трусиках.

Его темные глаза блуждают по моему телу, когда он встает и хватается свою футболку сзади, стягивая ее через голову, а затем расстегивает ремень. Мои глаза расширяются, когда он расстегивает пуговицы на джинсах, затем расстегивает молнию, а за тем стягивает их вместе с боксерами на пол. Его член гордо торчит, и, если учесть, что я видела его только в Интернете, я бы сказала, что он довольно большой — по крайней мере, около двадцати сантиметров. Из толстой головки на конце ствола вытекает немного спермы, заставляя меня прикусить внутреннюю сторону щеки и посмотреть на него снизу вверх.

— Я хочу, чтобы ты прикоснулась к нему. Познакомься с моим членом, прежде чем я погружу его в тебя, чтобы это было не так страшно.

— Я не боюсь, — возражаю я, а затем тяжело сглатываю, задаваясь вопросом, насколько это будет больно, когда он затолкает свой большой член в меня. Хотя я и испуганная девственница, я не хочу показаться такой.

— Хорошо. Тогда соси, — командует он, как будто бросая мне вызов, чтобы посмотреть, что я буду делать.

Я подползаю к краю кровати, а затем опускаюсь перед ним на колени. Он пристально наблюдает за мной, когда я наклоняюсь и слизываю каплю предэякулята с его кончика.

Он резко втягивает воздух сквозь зубы в тот момент, когда я соприкасаюсь с его кожей.

— Иисус.

Я ухмыляюсь, мне нравится идея поставить этого могущественного человека на колени одним простым движением языка, поэтому я решаю пойти на это. Я открываю рот и вбираю в себя весь его кончик, обхватываю его губами и посасываю, откидывая голову назад.

— О, бля-я-ядь. Иисус. Остановись. Я не могу, — говорит он и хватается меня за плечи. — Я не думал, что ты действительно сделаешь это, но, черт возьми, если ты будешь продолжать в том же духе, я кончу в твою хорошенькую глотку, а я не хочу этого делать. Я хочу быть внутри тебя, наполняя тебя полностью, когда кончу.

Я ахаю.

— Ты не можешь кончить в меня. Я не принимаю никаких противозачаточных средств, и я не готова ни к каким детям, так что об этом не может быть и речи.

— Хм, — говорит он. — Нам придется это исправить. Я хочу трахнуть тебя, когда между нами ничего не будет, но, думаю, с этим придется подождать, если ты настаиваешь.

— Я настаиваю, — говорю ему.

Доминик кивает, а затем лезет в ящик рядом с прикроватной тумбочкой и достает презерватив "магнум".

— Этого будет достаточно, пока я не запишу тебя на прием в клинику — Он бросает упаковку на тумбочку, а затем снова обращает свое внимание на меня.

Он берет меня за руку и поднимает на ноги.

— Ложись на кровать и раздвинь ноги. Я хочу попробовать еще раз.

Воспоминания о том, что я испытывала в последний раз, когда его голова была у меня между ног, нахлынули, и я стала влажной, думая о том, как он заставлял меня чувствовать себя с его волшебным языком.

Его сильные руки обхватывают мои бедра и тянут мою попу к краю кровати, где он опускается передо мной на колени. Его пальцы раздвигают мои складочки, и он оближивает губы.

— Так чертовски идеально.

Я ахаю в ту секунду, когда его язык соприкасается с моим клитором, и мои руки вцепляются в коричневую ткань одеяла, крепко сжимая материал.

— О, Боже мой.

Порочная улыбка появляется на лице Доминика, и он продолжает доводить меня до иступления. Вскоре знакомое покалывание пробегает по моему позвоночнику, когда оргазм пронзает меня.

Я не знаю, как у него это так хорошо получается.

Вычеркните это. Я знаю — много практики, но я не хочу думать о том, со сколькими женщинами он был до меня прямо сейчас. Я хочу наслаждаться этим, потому что девушка может потерять свою девственность только один раз, и я хочу, чтобы мой разум сосредоточился на мужчине, который собирается ввести свой член в меня.

Он кивает головой в сторону кровати, когда встает.

— Встань в середину.

Я прикусываю губу, когда мое сердце гроыхает в грудной клетке, когда ожидаю, что будет дальше.

Доминик заползает на кровать и садится на пятки, разрывая обертку из фольги. Я загибнотизирована, наблюдая, как он натягивает тонкую резинку на свой член, который стоит по стойке «смирно», и я снова задаюсь вопросом о том, насколько будет больно от такого большого члена, когда он введет это в меня.

Закончив, он раздвигает мои ноги и тянется между ними, ощупывая пальцами мои влажные складочки.

— Ты такая влажная и готовая для меня, — говорит он, пока его большой палец кружит по моему клитору, заставляя мое тело жадать, чтобы он сделал больше. — Это будет больно, но я буду нежен. Я клянусь.

Я уверенно киваю ему, а затем он устраивается между моих бедер, прижимая свой член к моему входу.

Зажмурив глаза, я готовлюсь к вторжению, когда его глубокий голос командует:

— Посмотри на меня, Фиона. Посмотри на меня.

Мои глаза резко открываются и фокусируются на его темно-коричневой радужке на долю секунды, прежде чем он толкает свои бедра вперед и полностью входит в меня.

Боль пронзает меня насквозь, и я прикусываю губу, чтобы не закричать. Это больно. Это действительно чертовски больно, но я хочу этого. Я хочу его, и мне нужно, чтобы он продолжал.

Как будто он чувствует, что я испытываю, он отводит свои бедра назад, а затем снова входит в меня.

— Вот и все, — уговаривает он. — Хорошая девочка.

Боль превращается в незнакомое чувство наполненности внутри меня, и я упираюсь пятками в его задницу, пока он продолжает двигаться.

Вскоре блеск покрывает нашу кожу, когда он двигается синхронно, в устойчивом ритме, когда его тело прижимается к моему. Правая рука Доминика обхватывает мою грудь, он немного разминает мягкую плоть, прежде чем провести большим пальцем по моему напряженному соску, в то время как его рот занят тем, что осыпает мою шею горячими, влажными поцелуями.

Он отстраняется, чтобы посмотреть мне в лицо, и я пользуюсь возможностью провести руками по его точеной груди, наслаждаясь ощущением его упругих мышц.

— Ты такой чертовски совершенный. И такой чертовски мой.

Рычащий тон его голоса, утверждающего, что я принадлежу ему, достаточен, чтобы отправить меня за грань, как раз когда его тазовая кость касается моего клитора.

— О, Доминик. Да. О мой Бог. Да.

Он ухмыляется и ускоряет темп, стремясь к собственному освобождению, и его движения становятся гораздо более жесткими, а с его уст слетает череда ругательств, когда он кончает. Выражение чистой эйфории на его лице прекрасно, и мне нравится сознавать,

что мое тело — причина того, что он чувствует себя так, как сейчас. Это заставляет меня ощущать себя сильной, зная, что я могу сделать это с ним.

Доминик прислоняется своим лбом к моему, пытаюсь отдышаться.

— У тебя есть сила погубить меня, а ты даже не знаешь об этом

— Погубить тебя? — Я поднимаю бровь.

Он кивает.

— Да. Теперь я, блядь, принадлежу тебе. Твоя киска — мой рай, и я никогда тебя не отпущу.

Я смеюсь, и он целует меня в губы. Я не говорю ему этого вслух, но я тоже принадлежу ему, потому что я никогда не смогу представить, как позволю другому мужчине так прикасаться ко мне.

Глава 8

Фиона

Когда Доминик говорит мне, что я буду оставаться с ним в его спальне — в его постели — каждую ночь, я не могу сказать, что удивлена. Собственническая натура Доминика не позволит мне так долго находиться вдали от него в другой комнате, и после потрясающего секса, который у нас только что был, я тоже не хочу расставаться с ним.

Мы засыпаем голыми на его огромной кровати в объятиях друг друга, и я спала так хорошо, что даже не заметила, что наступило утро, пока звук дверного звонка, который непрерывно звонит, не разбудил нас с Домиником.

— Какого хрена? — жалобно хрипит Доминик, когда он выпутался из моих объятий и потянулся к телефону на тумбочке.

Он изучает свой телефон, а затем проводит рукой по лицу.

— Черт. Нам нужно вставать. Моя сестра у входной двери.

Я вскакиваю и натягиваю простыню на свою обнаженную грудь.

— Сестра? — вскрикиваю я. — Я встречу с твоей семьей? Сейчас? Когда я так выгляжу?

Он посмеивается над паникой в моем голосе.

— Расслабься. Это просто Кэсси и ее сын Марио. И... — Он наклоняется и чмокает меня в губы. — Ты выглядишь прекрасно. Просто накинь что-нибудь и спускайся вниз, когда будешь готова.

Доминик спрыгивает с кровати, натягивает боксеры, хватает футболку и выбегает из спальни.

— Срань господня, — шепчу я сама себе. — Я не могу совершить марш позора перед его семьей.

Я вскакиваю с кровати и бросаюсь к своей спортивной сумке, теперь жалея, что не захватила с собой что-нибудь из своей более красивой одежды. Я останавливаюсь на паре рваных джинсов и светло-розовой футболке с V-образным вырезом. Ванная Доминика безупречна, как и весь его дом, и я чувствую себя немного виноватой, когда открываю свою косметичку и вытаскиваю все содержимое, чтобы выложить его на стойку. Примерно через пятнадцать минут я решаю, что выгляжу презентабельно, и спускаюсь вниз.

Звук детского смеха отражается от стен в открытой планировке дома Доминика. Я поворачиваю за угол и замечаю статную блондинку, сидящую на огромном стуле в гостиной, смеющуюся, когда Доминик борется с маленьким светловолосым мальчиком на полу.

Женщина поднимает взгляд и улыбается, когда замечает меня.

— Привет, — говорит она веселым голосом, махая мне рукой. — Вы, должно быть, Фиона. Я Кэсси. Сестра Дома.

Я машу ей в ответ, когда захожу в гостиную и сажусь на диван напротив Кэсси, в то время как Доминик и мальчик продолжают играть на полу между нами. Доминик щекочет ребенка, вызывая у него приступ смеха.

Кэсси улыбается мне.

— Марио любит своего дядю Дома. Говорит, что он его лучший друг.

Я улыбаюсь в ответ, потому что это невероятно мило. Если бы кто-то сказал мне, когда я впервые встретила своего капризного босса, что он будет смеяться и резвиться со своим маленьким племянником, я бы назвала этого человека лгуном, поэтому я рада увидеть еще один слой личности Доминика.

Доминик ложится на спину и позволяет Марио запрыгнуть на него сверху, как борцу, а затем прижать его к земле.

— Ладно, приятель. Ты победил, — говорит Доминик мальчику. — Я нашел тебе нового борца. Зайди туда и посмотри на моем столе.

Марио вскрикивает, а затем бросается на поиски своего подарка.

— Дом, — ругает Кэсси своего брата. — Перестань баловать его и дарить ему игрушку каждый раз, когда он приходит сюда.

— Он мой единственный племянник. Мне позволено немного его побаловать, — говорит ей Доминик, садясь рядом со мной на диван. Его рука лежит на моем колене, когда он наклоняется и целует меня в щеку, прежде чем вернуть свое внимание обратно к своей сестре. — Что привело тебя сюда так рано во вторник утром?

Ее взгляд метнулся ко мне, а затем обратно к Доминику, как будто она просила разрешения обсудить что-то личное при мне.

— Фиона — моя девушка, и ей можно доверять. Ты можешь говорить при ней, — говорит он Кэсси.

При слове «девушка» я поворачиваю голову в его сторону, и он просто ухмыляется мне в ответ, как бы говоря, что *ты знаешь, что это правда*.

Она заправляет прядь своих светлых волос за ухо.

— Дядя Нино был у мамы прошлой ночью, и он хотел, чтобы я предупредила тебя, что Порелло в городе.

Доминик застывает рядом со мной.

— Все они?

— Джиа с ними нет. Это всего лишь ее братья, но ты знаешь, что они все еще злятся, что ты не женился на их сестре, чтобы соединить наши семьи, и дядя Нино беспокоится, что они могут заявиться в твой клуб и доставить тебе неприятности.

— Да пошли они, — говорит Доминик и затем расслабляется. — Если они настолько глупы, чтобы прийти в мой клуб, значит, они знают, на что напрашиваются. Если они перейдут черту со мной, я с ними разберусь.

— Я подумала, что ты не будешь слишком переживать из-за их прибытия. — Кэсси откидывается на спинку стула и изучает нас, ее взгляд останавливается на руке брата, рассеянно поглаживающей мое колено, и она улыбается. — Приятно видеть тебя счастливым для разнообразия, Дом. Все эти домашние дела тебе очень идут, и похоже, что ты наконец-то нашел своего человека.

Он кивает в знак согласия.

— Нашел. Эта девушка чертовски потрясающая.

Его комплимент заставляет мои щеки вспыхнуть, и я знаю, что румянец, вероятно, такой же красный, как мои волосы.

— Это замечательная новость. — Кэсси улыбается, а затем хлопает в ладоши. — Теперь у меня наконец-то будет подруга, которая будет сплетничать со мной на всех семейных мероприятиях. Фиона, ты не представляешь, как обрадуется наша мама, когда узнает, что ты сделала из моего брата честного человека.

Мои глаза расширяются от ощущения, что я ошеломлена знакомством со всей семьей Доминика, когда я едва узнала его.

— Кэсс, успокойся. Мне не нужно, чтобы ты отпугивала ее вместе со всей нашей семьей. Она встретится со всеми, когда придет время, — говорит он ей.

— Хорошо, но ты же знаешь, что не сможешь пережить праздники через пару месяцев без того, чтобы она с ними не познакомилась. Я лишь пыталась подготовить ее к семье, в которую она встряла.

Доминик открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но звук маленьких ножек, бегущих к нам, привлекает все наше внимание.

— Мапочка, посмотри, каких новых рестлеров подарил мне дядя Дом! — Марио ликует, вбегая с десятью маленькими пластиковыми фигурками в руках. — Мне нужно отвезти этих парней домой, чтобы они могли поиграть на ринге в моей комнате.

— Хорошо, — говорит ему мама, глядя его по голове, а затем встает. — Нам нужно идти. — Она снова обращает внимание на своего брата. — Тебе нужно перестать покупать ему игрушки каждый раз, когда ты в магазине. В его комнате не может поместиться столько вещей.

— Ничего подобного, — говорит он ей с усмешкой. — Я веселый дядя, а значит, я покупаю все игрушки.

— Агх. — Она закатывает глаза, а затем смеется. — Увидимся позже, братишка. — Ее взгляд устремляется на меня. — Фиона, приятно с тобой познакомиться. Я уверена, что скоро снова увижу тебя.

Я слегка машу ей рукой и говорю ей и Марио «До свидания», прежде чем они направляются к двери.

Как только мы остаемся одни, Доминик поворачивается ко мне лицом с дьявольской улыбкой на своем прекрасном лице.

— Готова к еще одному раунду? Я думаю, для начала нам нужно обновить этот диван, а затем проработать каждый дюйм этого дома.

Я обвиваю руками его шею и ухмыляюсь, наслаждаясь идеей заняться с ним сексом по всему этому дому.

— По мне, так это хороший план.

Он прижимается своими губами к моим, и мы начинаем работать над нашим планом.

Глава 9

Фиона

— Мне это, блядь, не нравится, — дуется Доминик, когда подвозит нас к клубу.

— Упрямый, — говорю ему. — Я должна тебе деньги, и, если я не буду работать, никогда не смогу вернуть тебе их.

— Мне плевать на деньги, Фиона, — рычит он, загоняя свой черный внедорожник на парковку клуба.

— Но мне нет, — возражаю я. — Ты даже сказал, что это был заем.

Он проводит рукой по лицу.

— Я беру свои слова обратно. Это не ссуда, и ты не обязана возвращать мне деньги.

Я поворачиваюсь к нему лицом, когда он глушит двигатель.

— Ты так говоришь только потому, что не хочешь, чтобы я больше работала на тебя в клубе.

— Черт возьми да, я не хочу, чтобы ты больше работала на меня. Мысль о том, что другие мужчины разглядывают тебя, заставляет меня чувствовать себя убийцей. — Он сжимает своими длинными пальцами руль.

— Кого волнует, будут ли они смотреть? Они никогда ничего не добьются со мной. — Я кладу свою руку поверх его на руле. — В конце ночи я пойду домой именно с тобой. Поверь мне, Доминик, или у нас ничего не получится. Без доверия отношения не продлятся долго.

Он поворачивается, чтобы изучить меня, и его темные глаза блуждают по моему лицу, пока он протягивает руку и гладит меня по щеке.

— Это всем остальным я не доверяю. Мужчины — животные, и им трудно держать свои руки при себе рядом с такой красивой женщиной, как ты. Я боюсь, что могу сжечь весь свой клуб дотла, если кто-нибудь дотронется до тебя. Я с ума сойду.

Я вздохнула, зная, что с характером Доминика, все станет безумным, если клиент будет приставать ко мне на его глазах. Он чертов собственник, поэтому мне нужно немного успокоить его, прежде чем он решит запереть меня в этой машине и заставит вернуться к себе, как пещерный человек.

— Как насчет того, что я пообещаю подавать только напитки и удостоверюсь, что я держу дистанцию с любым из парней в клубе, чтобы они не могли прикоснуться ко мне после того, как я дам им выпить?

Его полные губы сжимаются в тонкую линию, и я могу сказать, что ему даже не нравится эта идея, но, прежде чем он ее отвергнет, я говорю:

— Сказав мне «нет» ты не изменишь моего мнения о работе в клубе, так что ты должен принять это и покончить со всей своей сумасшедшей ревностью.

Он наклоняет голову.

— Я мог бы уволить тебя, и это решило бы проблему.

Я раздраженно вздыхаю.

— Тогда я могла бы подать на тебя в суд за незаконное увольнение после того, как ты переспал со мной.

Он усмехается.

— Почему, Фиона Джеймс, я верю, что ты пытаешься шантажировать меня. Я впечатлен.

Яжимаю плечами и одариваю его своей самой невинной улыбкой.

— Я делаю только то, что считаю необходимым, потому что мне не нравится, когда занимаются благотворительностью в мою сторону. Для меня очень важно, что я зарабатываю все, что получаю в жизни. Я не большой поклонник подачек.

— Я могу это понять. Все, что я заработал, я получил сам. Когда моего отца убили, я думаю, остальные члены моей семьи ожидали, что я присоединюсь к семейному бизнесу и буду искать способы отомстить за смерть моего отца, но, увидев, как его смерть раздавила мою мать, я решил, что не хочу быть частью такой жизни. Когда дядя Нино возглавил семью, он часто

предлагал одолжить денег, чтобы помочь мне начать, но я всегда отказывался. Мне нравится быть на высоте, поэтому мне не нужно беспокоиться о том, чтобы оглядываться через плечо, не набросятся ли на меня федералы. Так что я понимаю твоё желание заплатить по-своему, но клянусь, я ничего не хочу взамен за то, что помогаю твоей семье. Я просто надеюсь, что если моей матери когда-нибудь понадобится помощь, хорошая карма вернется и поможет ей в трудную минуту. — Он берет мою руку в свою и целует ее. — Пожалуйста, все же подумай об увольнении?

Я качаю головой.

— Нет. Хочешь верь, хочешь нет, но работать в Pink Rabbit на самом деле весело. До того, как я начала работать здесь, я вела довольно скучную жизнь, состоящую только из учебы. Ты здесь и Эмми, и мне нравится тусоваться там, где вы все, поэтому я не хочу уходить.

— Мне определенно стало веселее с тех пор, как ты начала здесь работать.

— И ты можешь следить за мной, пока я здесь, — говорю я, пытаюсь убедить Доминика, что продолжать работать — хорошая идея.

— Это правда, — соглашается он.

— Вот видишь! — Я улыбаюсь. — То, что я все еще работаю, — это хорошо.

— Думаю, да. — Он вздыхает. — Но не снимай больше свой топ. Если другой мужчина посмотрит на твоё обнажённое тело, я вырву его гребаные глазные яблоки.

Я смеюсь.

— Это обещание легко сдержать. Я никогда больше не попытаюсь этого сделать.

— Хорошо, — говорит он. — А теперь тащи свою задницу внутрь, милая. Ты опаздываешь на работу.

Мы смеемся, и он целует меня в губы, прежде чем направиться внутрь.

Глава 10

Доминик

На этой неделе клуб был переполнен, и, хотя я не признаюсь в этом Фионе, я рад, что она здесь. Без нее у нас была бы острая нехватка персонала.

Это все еще не значит, что мне не требуется вся моя выдержка, чтобы не врезать каждому ублюдку, который смотрит на мою девочку.

С той ночи, когда я впервые попробовал Фиону, я стал зависим от нее. Секс с ней, ее пребывание у меня дома и сон в моей постели в течение последних двух недель только усилили эту зависимость.

Она — все, о чем я думаю.

Все, о чем я мечтаю.

Единственная женщина, в которую я хочу погрузить свой член и услышать, как она выкрикивает мое имя.

Эта девушка чертовски удивительна, и вдобавок ко всему она еще и умна. Однажды она станет охренительно хорошим врачом, потому что ее цель в жизни — помогать людям, которые похожи на ее мать — жертв инсульта. Я восхищаюсь ею за это.

Я сижу у главного бара на своем новом постоянном месте, чтобы наблюдать за Фионой, когда замечаю, что в клуб заявились знакомые лица. Марко Порелло и его брат Нико направляются к одному из столиков в углу с двумя другими мужчинами. В детстве мы с Марко были очень близки, почти как братья, потому что наши отцы вели много совместных дел. Все изменилось, когда я начал встречаться с их младшей сестрой Джией, когда мне было девятнадцать, а ей шестнадцать. Все ожидали, что я женюсь на Джии и объединю наши семьи, но чем больше времени я проводил с ней, тем больше она меня раздражала. У Джии не было никаких жизненных целей, она хотела, чтобы мужчина заботился о каждой ее потребности, и это был не тот тип женщины, с которой я хотел бы провести свою жизнь. Мне нужна была независимая женщина, у которой есть свои собственные стремления в жизни. Когда я порвал отношения с Джией, Марко и Нико возненавидели меня — они считали меня врагом, потому что я разбил сердце их сестры.

Мы долго не разговаривали друг с другом, поэтому видеть их сейчас — шокирующее зрелище.

Я знал, что они в городе, но не думал, что эти засранцы появятся в моем клубе.

Я опрокинул остатки янтарной жидкости из своего стакана и поставил его на барную стойку, прежде чем встать и поправить пиджак.

С таким же успехом можно покончить и с этой херней.

Спустя несколько простых шагов я оказываюсь на другой стороне клуба, а Нико толкает Марко локтем и кивает в мою сторону, когда они видят мое приближение.

— Джентльмены, чем обязан? — говорю я с уверенной непринужденностью, пока мой взгляд перескакивает с одного брата на другого.

Марко садится чуть прямее, а Нико откидывается назад, искривляя один уголок рта в усмешке. Прошли годы с тех пор, как я видел этих двоих, но они все еще выглядят так же, как я их запомнил. Они так похожи друг на друга, что большинство людей принимают их за близнецов с их одинаковыми темными волосами, глазами и коренастыми, мощными телами.

— Должен сказать, Дом, что ты выглядишь в этом костюме очень нарядно, — говорит Марко с улыбкой.

Я закатываю глаза.

— Хватит трепаться. Чего ты хочешь?

Я никогда не был одним из тех, кто ходит вокруг да около, поэтому я всегда перехожу к сути. Дела идут гораздо лучше, когда люди знают, что ты хочешь сказать им с самого начала.

— Черт. Все тот же старый Дом, — говорит Нико с усмешкой. — Расслабься. Мы здесь не для того, чтобы создавать проблемы. Мы просто хотим поговорить.

Я складываю руки на груди и смотрю на них.

— Так говорите.

Нико поворачивается к своему брату.

— Ты уверен, что хочешь попросить его об этом?

— Попросить о чем? — спрашиваю я, заставляя Марко вздохнуть и посмотреть на меня.

— За последние несколько лет между нами все было очень хреново, я знаю это, но я хочу исправить ситуацию и пришел с миром.

Я нахмурил брови, когда в голове пронеслось миллион мыслей, что, черт возьми, он может хотеть от меня после всего этого времени.

— Я женюсь, Дом, и хочу, чтобы ты был на свадьбе, — говорит Марко, заставляя меня поднять бровь.

Нико хлопает Марко по плечу.

— Ты можешь поверить, что этот сукин сын женится? Он последний человек, кроме тебя, которого я могу представить остепенившимся с женой.

Мой рот открывается.

— Вау. Поздравляю, чувак. Я рад за тебя.

Марко улыбается.

— Спасибо. Знаешь, она очень помогла мне — заставила посмотреть на вещи под другим углом. Именно она подтолкнула меня обратиться к тебе, потому что знает, что ты был моим лучшим другом, и знает, что я скучаю по твоей сумасшедшей заднице.

Его слова вернули меня назад. Во-первых, Нико прав. Марко — самый большой бабник из всех, кого я знаю. Это должна быть потрясающая девушка, чтобы он захотел остепениться. Она должна быть для него тем, кем Фиона является для меня. Я могу представить, как Фиона уговаривает меня найти старого друга, если бы знала, что это сделает меня счастливым.

— Может, присядешь и выпьешь с нами? — спрашивает Марко.

Я киваю, видя, что в его намерениях не было ничего дурного. Но это не значит, что моя бдительность полностью ослабла.

Двое парней, которые пришли с братьями Порелло, мне незнакомы, но они, похоже, в хорошем настроении и с удовольствием рассматривают всех прекрасных дам, работающих на меня.

Высокий, худощавый мужчина с густыми волосами сидит по другую сторону от меня, когда я присоединяюсь к группе. Он быстро кивает мне головой, а затем говорит:

— Я был во многих стрип-клубах, но ваши девушки — одни из самых сексуальных, которых я видел. Мне будет трудно выбрать только одну, чтобы получить танец на коленях.

Я ухмыляюсь.

— Зачем довольствоваться одной. Бери двух. Черт, бери трех, если у тебя есть деньги, чтобы заплатить им всем.

Он смеется:

— Я так и сделаю — начну вот с этой. Привет, дет...

Слова мужчины обрываются, как только он тянется к Фионе — *моей* Фионе, когда она направляется в мою сторону, потому что я перехватываю его руку и быстро обхватываю его горло пальцами. Мысль о том, что этот ублюдок хоть пальцем ее тронет, заставляет мою кровь кипеть.

— Не трогай ее, блядь, — рычу я ему в лицо.

— Черт, — хрипит он. — Я думал, ты сказал выбрать одну.

— Не ее, — процедил я стиснутыми зубами. — Она моя.

Он вскидывает руки вверх, как раз, когда подходит моя команда охраны.

— Черт. Извини. Я не знал.

— Доминик, — сладкий голос Фионы произносит мое имя, вытаскивая меня из потока ярости, в котором я нахожусь. — Отпусти его. Он совершил ошибку и извинился.

Я ослабляю хватку, наконец-то отпуская мужчину, который тут же сжимает горло и задыхается.

— Здесь все в порядке, босс? — спрашивает Тревис, ожидая моего приказа вышвырнуть мужчину.

— Небольшое недоразумение, Трэвис. Все в порядке, — говорю я своему подчиненному.

— Хорошо. — Трэвис поворачивается к человеку, которого я только что схватил, и говорит ему. — Я буду следить за тобой. Больше не облажайся.

Фиона стоит с круглым подносом в руках и наблюдает за мной. Она уже видела мою ярость, и я знаю, что мне нужно справиться со своей ревностью, когда дело касается ее, прежде чем я испорчу наши отношения, отпугнув ее.

— Черт! — говорит Марко, садясь рядом со мной. — Что, черт возьми, это было?

Я поднимаю голову, а затем снова поправляю пиджак.

— Она моя девушка, и я никому не позволяю к ней цепляться.

Марко встает и протягивает руку Фионе.

— Что ж, для меня честь познакомиться с женщиной, которая владеет Домиником Де Лука. Я никогда не думал, что смогу увидеть, как он теряет голову из-за девушки, но я только что был свидетелем этого.

Фиона смотрит на меня, прежде чем пожать руку Марко, и я киваю, говоря ей, что все в порядке.

— Приятно познакомиться с вами...?

— Я Марко, а это мой брат Нико. Мы старые друзья Дома. Как тебя зовут?

— Фиона, — говорит она ему. — Но в этом клубе я известна как Ариэль.

Марко отпускает ее руку и садится рядом со мной.

— Я никогда не думал, что ты будешь со стриптизершей.

— Она не танцовщица, — ворчу я. — Она полностью-всегда-одетая официантка, учится в медицинском колледже. Мне не нравится, что она здесь работает, но она отказывается увольняться и не позволяет мне платить за нее.

Глаза Марко вспыхивают пониманием.

— А, независимая женщина. Теперь я понимаю, потому что я знал, что причина, по которой вы расстались с Джией, заключалась в том, что ее главной целью в жизни быть женой, которая ничего не делает. — Я мотнул головой в его сторону, потому что я никогда не говорил ему об этом, а он пожал плечами. — Джиа рассказала мне несколько лет назад о причинах, по которым ты сказал ей, что она тебе не подходит. Я рад, что ты нашел то, что искал, и думаю, что тот факт, что мы с тобой наконец-то нашли своего человека, можно отпраздновать выпивкой.

— Ты прав, — соглашаюсь я и поворачиваюсь к Фионе. — Можешь принести бутылку Дом Периньон и бокалы?

— Конечно, — говорит она.

— Спасибо, малышка, — говорю, прежде чем она уходит.

— Могу я кое-что сказать без твоего рукоприкладства к моему лицу? — спрашивает Нико. Я приподнимаю бровь.

— Зависит от того, насколько меня разозлит то, что ты скажешь.

— Я всего лишь хотел сделать тебе комплимент и сказать, что твоя девушка прекрасна.

Хотя пещерный человек внутри меня ненавидит мысль о том, что другой мужчина находит мою женщину привлекательной, я знаю, что Нико не настолько глуп, чтобы сделать шаг к ней, потому что он знает, я выбью из него все дерьмо, как я делал это, когда мы были детьми. Поэтому я делаю глубокий вдох и принимаю его комплимент.

— Спасибо. Она много значит для меня.

— Я вижу это. — Нико смеется. — Я имею в виду, что ты был готов разорвать чертову глотку Джерри из-за нее. Если бы я не знал тебя лучше, я бы сказал, что ты влюблен в нее.

— Я не знаю ничего об этом. То, что происходит между нами, все еще ново для меня.

— Это не имеет значения, — говорит ему Марко. — Я влюбился в Хизер через две недели после знакомства с ней. Теперь мы собираемся пожениться. Сердце знает, когда все по-настоящему.

— Да послушайте вы оба! Любовь превратила вас обоих в чувствительных кисок. — Нико смеется, заставляя нас с Марко одновременно попросить его заткнуться.

Как бы мне ни было неприятно это признавать, я скучал по этим двум засранцам, и я очень надеюсь — это начало возрождения нашей дружбы.

Глава 11

Фиона

Я бросаю последние вещи, которые забираю обратно в общежитие, в свою розовую сумку и застегиваю ее.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спрашивает Доминик, входя в спальню, которую мы делили в течение последнего месяца. — Почему ты собираешь вещи?

Я вздыхаю, глядя на него.

— Мы уже говорили об этом. Наша сделка завершена. Я продержалась целый месяц, так что теперь мне пора переезжать обратно в общежитие.

— Я не понимаю, почему ты хочешь уехать. Разве тебе не нравится здесь — со мной? — спрашивает он.

— Конечно, нравится.

И я серьезно. Быть с Домиником здесь, в его доме, в течение последнего месяца было удивительно, но мне пора возвращаться.

— Тогда в чем проблема?

— Во-первых, наши отношения развиваются безумно быстро. Это ненормально — переезжать к парню, когда только начинаешь встречаться, поэтому я думаю, что расстояние для нас было бы полезно. К тому же, жить в кампусе гораздо ближе к моим занятиям, и, честно говоря, мои оценки ухудшились из-за того, что, если я не в клубе, я здесь, в этом доме, занимаюсь сексом с тобой.

Наглая ухмылка появляется на его лице, когда он обходит кровать и обхватывает меня руками за талию, притягивая к себе.

— Я тебя изматываю? Это проблема? Потому что если это так, то мы можем выделить тебе время для учебы, и я обещаю держать свой член подальше от тебя в это время.

Я закатываю глаза.

— Доминик...

— Я серьезно, Фиона. Что нужно сделать, чтобы ты осталась? Я не готов позволить тебе уйти.

— Я не оставлю тебя, просто вернусь в общежитие, где должна жить.

Я знаю, что он не понимает, почему я хочу уйти, и, честно говоря, большая часть меня хочет распаковать эту сумку и остаться здесь с ним, но мой мозг кричит мне, что нужно сделать перерыв. С тех пор как я переехала в дом Доминика, мы расставались только на время посещения уроков физкультуры. Мне немного страшно, что я так быстро привязываюсь к нему, и мне нужно сделать шаг назад и убедиться, что это здоровые отношения для меня.

Доминик хочет, чтобы я всегда была рядом с ним, и хотя это очень мило, я также чувствую, что немного теряю контроль над собой.

— Что я могу сделать, чтобы ты передумала? — спрашивает он, прижимаясь мягким поцелуем к чувствительной коже под моим ухом.

— Доминик. — Я вздыхаю и наклоняю голову, давая ему лучший доступ. — Мне действительно нужно идти.

Звуки, вылетающие из моего рта, не производят впечатления, что я так уж сильно хочу уйти.

— Хорошо. Остайся еще ненадолго. — Он проводит своим языком дорожку от моей шеи до ключиц, пока его пальцы расстегивают пуговицу на моих джинсах.

— По крайней мере, позволь мне подарить тебе оргазм на дорожку. Таким образом, когда ты будешь в своей маленькой унылой комнате в общежитии и будешь возбуждаться от моего члена, а меня не будет рядом, ты сможешь ласкать себя пальчиками, думая обо мне.

Я прикусываю губу, когда моя решимость уйти растворяется, потому что, черт возьми, его рот волшебный, и мне нравится, как он заставляет меня чувствовать себя.

Он просовывает руку в мои джинсы, тербит мой клитор через нижнее белье, а затем шепчет:

— Позволь мне сделать тебе приятно.

С этими словами я впиваюсь своим ртом в его рот, отчаянно желая почувствовать удовольствие, которое он обещает, потому что, готова ли я признать это вслух или нет, я чертовски зависима от Доминика Де Луки.

Он стягивает с меня брюки и нижнее белье, затем стаскивает их с моих ног и переворачивает меня так, что я оказываюсь распростертой на кровати перед ним. Он погружается в меня, как изголодавшийся мужчина, вылизывая мои складочки и дразня мой клитор, пока я быстро не оказываюсь на грани одного чертовски прекрасного оргазма.

Мои пальцы пробираются сквозь его густые волосы, удерживая его в том месте, где он мне больше всего нужен.

— Да. Вот здесь.

Он отстраняется как раз перед тем, как я готова кончить, останавливая нарастание внутри меня.

— Скажи мне, что ты останешься со мной. Скажи, что не собираешься возвращаться в общежитие.

— Доминик, пожалуйста, — умоляю я, задыхаясь.

Он целует мой клитор.

— Скажи мне, и я дам тебе то, что ты хочешь.

— Это шантаж, — пыхчу я.

Он смотрит на меня своими темными глазами, дьявольски ухмыляясь.

— Я не святой, милая. Я не против небольшого шантажа, чтобы получить то, что я хочу.

— Ты... — Мой ответ прерывается, когда он проводит языком по клитору. — Боже. Да.

— Скажи мне, и я позволю тебе кончить. — Он вводит в меня палец, заставляя меня извиваться. — Скажи, что останешься, и я заставлю кончать тебе всю ночь.

Я сжимаю в кулак плед и зажимаю глаза, понимая, что сейчас подчинюсь его воле, но я согласна почти на все, лишь бы кончить.

— Да. Да, я останусь.

Он ухмыляется.

— Хорошая девочка.

Как и было обещано, как только я соглашаюсь, Доминик проводит языком по моему клитору, и я дергаю его за волосы и кончаю так сильно, что вижу звезды.

Я лежу на спине и задыхаюсь, глядя на люстру, висящую над кроватью, пытаюсь отдышаться.

Доминик переползает ко мне и целует мои губы, позволяя мне почувствовать свой вкус.

— Не расслабляйся, моя сладкая Фиона. Я только начал с тобой.

Когда вес его тела прижимается ко мне, а его твердый как камень член упирается в меня через брюки, я понимаю, что он собирается сделать все возможное, чтобы я кончала всю ночь напролет.

Глава 12

Фиона

Эмми осматривает меня с ног до головы после того, как я надела свою форму официантки.

— Где Вы были, барышня?

Я наклоняю голову и смотрю на нее, поправляя свои кроличьи ушки.

— Что ты имеешь в виду? Я не опоздала.

Она легкомысленно машет на меня рукой.

— Пф. Я не имею в виду сейчас. Я имею в виду, где ты была последние пару дней? В моей квартире отключили горячую воду, и я принимала душ в общежитии, но тебя не было в твоей комнате.

Мои брови взлетают вверх.

— Оу.

— Оу, это точно! Теперь начинай говорить и скажи мне, где ты была. Я собиралась позвонить в полицию и написать заявление о пропаже человека, если бы ты не появилась на работе сегодня вечером. — Она складывает руки на груди, прикрытой бикини, и смотрит на меня, ожидая ответа.

Я могла бы солгать ей и сказать, что остановилась у друга, но Эмми знает, что у меня не так много друзей, кроме нее — ни один из них не настолько близок, чтобы провести с ним пару ночей. Кроме того, если по клубу поползут слухи, что я остановилась у какого-то друга, ревнивая задница Доминика может сойти с ума, решив, что я с кем-то другим.

Поэтому я решила сказать Эмми правду. Доминик никогда не говорил, что я должна держать в секрете то, что происходит между нами.

Я хватаю ее за руку и тяну за собой за пределы примерочной, достаточно далеко от других девушек, чтобы убедиться, что они не знают о моих делах.

— Какого черта, Фиона? Неужели то, где ты была, действительно требует такого уровня секретности?

— Да.

Ее глаза расширились.

— О, черт. Что происходит? У тебя проблемы?

Я качаю головой.

— Нет. Я просто не хочу, чтобы другие знали... — Я делаю паузу, а затем поднимаю подбородок. — Я живу с Домиником уже больше месяца.

У нее отвисает челюсть.

— Доминик? Это мистер Де Лука?

— Да, — шиплю я. — Мы вроде как вместе.

— Подожди. — Она вскидывает руку вверх. — Ты трахаешь нашего босса целый месяц и не сказала мне? А теперь ты говоришь, что ты его девушка?

Ее лицо представляет собой нечто среднее между шоком и обидой, из-за того, что я позволила ей узнать об этом позже.

— Я знаю, это безумие, и мы полные противоположности, но каким-то образом мы работаем вместе. Он так мил со мной, и мне действительно нравится быть с ним.

Один уголок ее рта растягивается в ухмылке.

— О, Боже мой. Ты влюблена в него.

Я открываю рот, чтобы отрицать это, но быстро закрываю, потому что разве я не влюблена в него? Я думаю только о нем, и мне нравится быть с ним. Он заставляет меня чувствовать себя в безопасности. Как будто он готов сжечь весь мир ради меня, если понадобится.

— Посмотрите на эту улыбку. Ты точно влюблена. Ни хрена себе. Я не могу в это поверить.

— Я тоже не могу в это поверить, — признаюсь я. — Он не тот тип мужчины, с которым я планировала остепениться, но, возможно, я действительно влюбилась впервые в жизни.

Она обнимает меня.

— Я так рада за тебя, Фиона. Ты уже сказала ему о своих чувствах?

Я отстраняюсь.

— Пока нет, но скажу, когда придет время.

— И сегодня вечером посреди стриптиз-клуба — не лучшее время для признаний в любви и привязанности. — Она хихикает. — Пойдем. Давай закончим готовиться. Эта частная вечеринка сегодня вечером, вероятно, принесет нам большие деньги. Мужчины, снимающие это место для мальчишника, — все молодые, профессиональные, горячие типы, которые любят разбрасывать деньгами. Нам вот-вот заплатят!

Я смеюсь, когда она берет меня за руку и ведет обратно в примерку.

Эмми была права. Эти парни любят хвастаться своими деньгами. Вместо обычных единиц и пятерок, которыми разбрасываются повсюду, везде летают двадчатки. По меньшей мере триста человек посещают это частное мероприятие, и, что удивительно, здесь есть даже несколько дам. Очень необычно, чтобы мальчишник был таким масштабным... и сочетался с девичником, но, по-видимому, невеста бисексуальна и также наслаждается видом красивых женщин.

Я всю ночь надрывала задницу, подавая напитки, потому что это открытый бар, и эта толпа рассыпается в комплиментах в адрес будущих жениха и невесты. Даже Доминик стоит за стойкой и помогает Брауну смешивать напитки, в то время как Никита помогает их подавать. Это в значительной степени командная работа.

Когда я направляюсь обратно в бар, Никита догоняет меня.

— Ты можешь прикрыть меня на минутку? Мне нужно сходить в туалет.

Я киваю.

— Нет проблем.

Она одаривает меня искренней улыбкой, как будто благодарна, что я согласилась ей помочь, и это первый раз, когда на ее лице появилось какое-то доброе выражение.

— Большое тебе спасибо. Обещаю, я буду быстрой.

Мгновение я смотрю ей вслед и задаюсь вопросом, с какими придурками она работала раньше, если они не могли отпустить ее сходить в туалет.

У меня нет времени долго обдумывать эту мысль, потому что я вижу руку в толпе с ее стороны, машущую мне.

Когда я подхожу к столу и получше разглядываю мужчину, который помахал мне, мой желудок сжимается.

Дерьмо.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо-о-о.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, прежде чем подойти к мужчине, которого я узнала бы, где угодно.

— Я предполагал, что это Вы, — говорит профессор Ки, когда я стою перед ним. — Я не знал, что Вы здесь работаете.

Мои губы кривятся, когда я проглатываю правду. Я немного огорчена, что мой нынешний профессор западной философии в колледже только что заметил меня работающей в стрип-клубе в сомнительной униформе. С профессором Ки трудно иметь дело, и у него репутация осла. Он любит доводить любую женщину, которая бросает вызов его философским убеждениям. Известно, что у него своего рода комплекс Бога, потому что он не только верит, что всегда и во всем прав, но и в свои тридцать с небольшим на него не страшно смотреть с его светлыми волосами и точеной линией подбородка. Он напоминает мне белокурого плохого парня из тех фильмов о мальчиках-картистах восьмидесятых, которые моя мама всегда любила

смотреть, когда они шли по кабельному. Только профессор Ки, похоже, не обладает никакими испугательными качествами.

— Что я могу предложить Вам выпить? — спрашиваю я, стараясь, чтобы между нами все было как можно более профессионально, потому что, черт возьми, это очень неловкое положение для меня.

Его глаза медленно блуждают вверх и вниз по моему телу, задержавшись на моей груди немного дольше, чем мне хотелось бы, прежде чем, наконец, вернуться, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Ты выйдешь на сцену сегодня вечером?

Я качаю головой.

— Нет. Я всего лишь официант.

Его губы кривятся, прежде чем он прикусывает нижнюю и втягивает ее между зубами.

— Это очень плохо. Я был бы не прочь увидеть тебя там, наверху. Мне всегда было интересно, как ты выглядишь под всей этой одеждой, которую носишь.

Моя спина выпрямляется, и по всему телу пробегает холодок, отчего по коже бегут мурашки. Мне не нравится, как он на меня косится. Я поднимаю свой круглый поднос, как щит, чтобы прикрыть как можно больше себя, поднимаю подбородок и решаю, что даже не собираюсь принимать во внимание слова, которые он только что сказал мне.

— Вы хотите выпить или нет?

Когда он видит, что я не заинтересована в том, чтобы отвечать на его флирт, его лицо становится каменно-серьезным.

— Будвайзер. Бутылка. Не разливное.

Я коротко киваю, а затем поворачиваюсь, чтобы направиться обратно к бару так быстро, как только могу, при этом не убегая со всех ног. А теперь я бы хотела, чтобы Никита, черт возьми, поторопилась, чтобы мне не пришлось возвращаться и отдавать ему выпивку.

Облегчение захлестывает меня, когда она встречает меня у бара, и я рассказываю ей об одном заказе, который она пропустила. Затем я возвращаюсь в свою часть клуба, стараясь держаться подальше от своего профессора до конца ночи.

Глава 13

Фиона

Сегодня настал день, которого я с ужасом ждала последние четыре дня. Обычно я всегда первой прихожу в класс, готовясь к двухчасовой лекции с профессором Ки, но сегодня я вошла как раз в тот момент, когда он приветствовал класс, чтобы начать занятия. Поскольку люди — существа с повторяющимся поведением — когда я прихожу, все места заняты, кроме того, которое я всегда занимаю в первом ряду.

На протяжении всего занятия я изо всех сил стараюсь не отводить взгляд от тетради и сосредоточиться на записях, которые делаю и не рискую взглянуть на профессора Ки. Я не могу выбросить из головы воспоминания о том, как он ухмылялся мне той ночью.

Он несколько раз прохаживается передо мной, но я не решаюсь поднять на него взгляд. Вместо этого я смотрю на его туфли. По обуви можно многое узнать о человеке — аккуратный он или неряшливый, богатый или бедный, или же ему на все наплевать.

Я отношу Ки к категории богатых снобов, делая вывод, лишь по безупречным туфлям, на его ногах и брюках, сшитых на заказ. Он производит впечатление человека, который всегда получал то, что хотел, и это пугает меня, потому что я отвергла его ухаживания. Я уверена, что это не очень хорошо отражается на его самолюбии.

В начале этой недели я решила, что буду как призрак в его классе, буду держать голову опущенной и рот на замке. Надеюсь, он забудет о нашей небольшой стычке и пройдет мимо меня без проблем. У меня осталось всего несколько недель, потому что не за горами выпускной, а потом медицинская школа.

— Хорошо. Отличная дискуссия сегодня получилась. Я с нетерпением жду, когда в конце семестра прочитаю ваши итоговые работы, чтобы узнать ваши мысли. Помните, что итоговая работа составляет шестьдесят процентов вашей оценки в этом классе, поэтому сделайте ее хорошо и начинайте работать над ней сейчас, — обращается Ки к классу. — Хороших выходных.

Шуршание бумаг, щелканье закрываемых ноутбуков и застегиваемых рюкзаков наполняют класс. Я собираю свои вещи и встаю из-за стола.

— Фиона? На пару слов, — говорит Ки и показывает пальцем, чтобы я подошла к его столу, где он стоит.

Блядь.

Блядь. Блядь. Бля-я-ядь.

Резкий вдох вырывается из моих ноздрей, когда я надеваю рюкзак и направляюсь в его сторону.

— Да, профессор?

Его глаза метнулись в сторону двери, наблюдая, как последние студенты выходят из класса, а затем снова обратил свое внимание на меня.

— Я уверен, что Вы понимаете, насколько важна ваша предстоящая работа для общей оценки, как я уже и говорил всем остальным ранее.

Я поднимаю подбородок.

— Понимаю. Мои оценки безупречны, и я обещаю, что моя работа над сочинением будет высокого качества.

— Я уверен, что так и будет, поскольку все остальные ваши материалы в моем классе были просто великолепны. — Он делает паузу, и мой желудок переворачивается в тот момент, когда он искажает губы в отвратительной улыбке. — Но будет очень жаль, если я сочту вашу работу некачественной.

Я вздрагиваю, как будто он ударил меня по лицу. Хорошие оценки — это то, чем я известна, это часть моего существования, и стремление к совершенству делает меня той, кем я являюсь. Я не могу поверить, что этот человек угрожает мне.

— Я не понимаю, почему Вы мне угрожаете, — рычу я.

Он поднимает руки.

— Тише. Я никому не угрожал. Я просто сказал, что будет обидно, если ты получишь плохую оценку и испортишь свой идеальный средний балл. Как бы медицинская школа и все стипендиальные комитеты отнеслись к тому, что их идеальный кандидат получит большую жирную двойку, которая испортит ее безупречный послужной список?

— Почему? — спрашиваю я, борясь со слезами, наворачивающимися на глаза. — Почему вы пытаетесь причинить мне боль?

— Разве это не очевидно? Ну же, Фиона. Ты же умная девочка. Как ты думаешь, какие у меня причины?

— Это все потому, что я не ответила взаимностью на ваш флирт в баре? У меня есть парень, и он...

— Честно говоря, мне плевать на маленького глупого парня. Он всего лишь препятствие. Тот, кто стоит на пути к тому, чего я хочу. — Он делает шаг ближе ко мне, но не прикасается, что очень умно с его стороны — держать дистанцию, чтобы у меня не было свидетельств его домогательств. — Не будь душой, Фиона. Мы приятно проведем время вместе, и, черт возьми, я даже куплю тебе ужин, если ты захочешь, но поскольку ты просто шлюха, которая работает в стрип-клубе...

Я даже не даю ему продолжить свои оскорбления, потому что изо всех сил бью его по лицу.

— Пошел ты, Ки. Ты. Никогда не трогай меня, а если ты попытаешься меня завалить, я отнесу работу, которую ты завалишь, прямо декану. Я упомяну ту часть, где ты предложил мне трахнуться с тобой за пятерку, а когда я отказалась, ты использовал свой авторитет, чтобы сорвать мою карьеру в колледже.

Его лицо исказилось, и он выдавил:

— Попробуй, маленькая сучка. Это будет твое слово против моего, и ты будешь просто еще одним избалованным ребенком, плачущим из-за плохой оценки, которую ты заслужила. Тебе не выиграть у меня, так что лучше сделай себе одолжение и прими мое предложение. Будь умницей.

Я делаю шаг назад и сжимаю в руках лямки своего рюкзака.

— Ты ублюдок.

Он пожимает плечами.

— Может, и так, но я ублюдок, который знает, чего хочет, и сделает все, чтобы получить это. У тебя есть три недели, чтобы принять решение, а потом я буду оценивать твою работу.

Он схватил свой портфель и вышел за дверь, не оглянувшись ни разу.

Этот ублюдок хочет уничтожить меня только потому, что я не хочу заниматься с ним сексом? Я не могу поверить, что это происходит со мной. Я слышала, что такое случается с другими, но мужчины редко беспокоят меня, потому что я не высываюсь из-за учебы. Профессор Ки никогда даже не смотрел в мою сторону, пока не увидел меня в клубе. Этот чертов клуб и есть проблема, и, возможно, Доминик прав — мне больше не стоит там работать.

Ки — только первый, кто узнал, чем я занимаюсь в свободное время. Что будет, когда я стану медицинским работником и мои коллеги узнают о моем прошлом? Они никогда не будут воспринимать меня всерьез. Медицинская практика — это все еще преимущественно мужская профессия, поэтому я не могу отступить на два шага назад.

Я должна держаться подальше от клуба и, возможно, даже от Доминика.

Глава 14

Доминик

Это был чертовски длинный день, и мне все еще нужно идти в клуб вечером, чтобы помочь Никите и Брауну с инвентаризацией. Конец месяца всегда тяжелый для меня, потому что помимо Pink Rabbit я владею и управляю более чем дюжиной объектов аренды и должен напоминать всем своим арендаторам, чтобы они платили вовремя. Большинство делает это без проблем, но есть несколько человек, с которыми я не могу дожидаться окончания срока аренды, чтобы взять кого-то, кто действительно будет платить, и мне не придется заниматься всей этой ерундой с напоминаниями.

Я снова проверяю свой телефон, и от Фионы по-прежнему нет никаких вестей. Не похоже на нее оставлять мои сообщения непрочитанными в течение нескольких часов. Я знаю, что у нее сегодня несколько занятий и, скорее всего, она просто занята учебой, но я все равно волнуюсь, потому что уже почти шесть. Мы ужинаем вместе каждый вечер, и она ни разу не спросила меня, какие планы на ужин, как она обычно делает.

Я нажимаю кнопку на пульте дистанционного управления воротами гаража, и когда ворота выкатываются на дорожку, я вижу, что обе мои машины уже здесь.

На долю секунды меня охватывает облегчение при виде обеих припаркованных машин, но затем я впадаю в панику, опасаясь, что с Фионой что-то случилось. Возможно, именно поэтому она не отвечает.

Я выпрыгиваю из внедорожника и бросаюсь внутрь.

— Фиона?

Я зову ее по имени, проходя через дом и поднимаюсь по лестнице, но ответа нет. На вершине лестницы я фокусирую взгляд на двери хозяйской спальни. Обе двери широко открыты, но в комнате нет никаких признаков движения.

Первым делом я замечаю, что в массивной гардеробной все еще горит свет, поэтому я спешу зайти внутрь. Там, где висела одежда Фионы, остались лишь пустые вешалки, и мое сердце падает вниз.

— Какого черта? — шепчу я вслух.

Я поворачиваюсь и вижу, что место, где обычно стояла ее сумка, тоже пусто, и становится ясно, что она ушла. Проведя рукой по волосам, я набираю номер ее мобильного телефона.

— Вы позвонили Фионе. Оставьте мне сообщение.

Сразу голосовая почта.

Что, блядь, происходит?

Я должен увидеть ее. Я должен знать, что, черт возьми, происходит и почему она бросила меня, не сказав ни слова. Я думал, мы разобрались с этим дерьмом? Она сказала, что ей нравится быть здесь со мной, и было не так уж сложно убедить ее остаться со мной. Что заставило ее передумать?

Я, блядь, что-то сделал?

Я откидываю голову назад и вздыхаю, ломая голову, пытаюсь вспомнить, мог ли я чем-то разозлить ее настолько, чтобы она ушла от меня. Я действительно стараюсь сдерживать свое собственническое дерьмо, но иногда я ничего не могу с этим поделать. В последнее время я не срывался ни на одного клиента, и я держал свой член в штанах, когда ей нужно было заниматься.

Между нами не может быть такого конца.

Она должна дать мне шанс исправить то, что я испортил, потому что я не могу ее потерять.

Я засовываю телефон обратно в карман и возвращаюсь в гараж. Если она уходит от меня, я заставляю ее сказать мне это в лицо. Она многим мне обязана, по крайней мере, если собирается разбить мое гребаное сердце.

Глава 15

Фиона

Пять не отвеченных голосовых сообщений и более дюжины текстовых сообщений смотрят на меня с моего телефона. Нечестно вот так игнорировать Доминика. Я знаю, что это неправильно, но я не могу встретиться с ним лицом к лицу. Я не хочу, чтобы он знал настоящую причину, по которой я ушла, потому что он разыщет профессора Ки и выбьет из него все дерьмо, доставив мне больше проблем, чем у меня уже есть в колледже.

Сильный стук в мою дверь снаружи заставляет меня подпрыгнуть.

— Фиона? Открой.

Я смотрю на дверь и размышляю, стоит ли притвориться, что меня здесь нет, чтобы мне не пришлось сталкиваться с Домиником.

— Ради всего святого, Фиона. Я знаю, что ты там. Я не уйду, пока мы не поговорим. — Голос Доминика становится еще громче и непоколебимее. — Фиона!

— Заткнись! — жалуется парень по другую сторону двери в коридоре общежития. — Брось это, бро. Ее там явно нет.

— Не лезь не в свое гребаное дело, — рычит Доминик, когда раздается громкий стук в мою дверь, и я беспокоюсь о том, кто был настолько глуп, чтобы сказать что-то Доминику, когда он настолько зол.

Я вскакиваю с кровати и бросаюсь к двери, чтобы распахнуть ее. Доминик обхватывает рукой горло кудрявого парня, прижимая его к стене. Глаза Доминика вспыхивают, останавливаясь на мне, и огонь, горящий в них, почти мгновенно остывает.

— Господи, Доминик. Отпусти его, — приказываю я.

Доминик разжимает пальцы на шее мужчины, и тот мгновенно ахает и бормочет:

— Гребаный псих, — прежде чем броситься по коридору так быстро, как только может.

— Фиона? — Доминик вопросительно произносит мое имя. — Почему ты ушла?

Он делает шаг ко мне, но я отступаю и прижимаю дверь ближе к себе, удерживая его в коридоре.

Его темные брови хмурятся.

— Ты даже не собираешься пригласить меня войти?

Я качаю головой.

— Будет лучше, если мы покончим с этим сейчас.

— Мы даже не будем говорить о том, почему, черт возьми, ты исчезла, даже не сказав «пошел ты» или «я больше никогда не хочу тебя видеть»?

Он прав. Мы должны обсудить это, но ничто из того, что он скажет, не изменит влияния профессора Ки и таких людей, как он, на мою академическую карьеру. Я не могу продолжать расхаживать по стрип-клубу и перед его чертовски горячим владельцем, иначе люди поверят, что я просто шлюха, готовая переспать за пятерку.

Лучшее, что я могу предпринять сейчас, — это снова стать незаметной, не высовываться и заботиться только о колледже и своей семье. Влюбленность только усложняет ситуацию, и я не могу позволить своим чувствам к Доминику разрушить то, над чем я работала всю свою жизнь.

Доминик тянется ко мне, и в тот момент, когда он обхватывает мое лицо ладонями, я закрываю глаза, пытаясь запечатлеть его прикосновение в своей памяти, потому что это будет в последний раз. Слезы жгут мои веки, когда до меня доходит, что первый и единственный мужчина, которого я когда-либо любила, не может быть моим.

— Фиона? — Голос Доминика смягчается, когда он большим пальцем смахивает непрошеную слезу с моей щеки. — Не плачь. Скажи мне, что не так, и я это исправлю.

— Ты не можешь это исправить, — шепчу я, открывая глаза, чтобы посмотреть на него. — Я не могу быть с тобой. Больше нет.

— Ты не бросишь меня. — Его тон мягкий, но решительный. — Я тебе не позволю.

— Я должна.

— Почему? — спрашивает он, изучая мое лицо.

— Моя карьера — все, ради чего я работала все эти годы, — находится под угрозой. Любовь к тебе разрушает все для меня, и я не могу позволить этому продолжаться.

Его лоб хмурится.

— Угрозой? Кто, черт возьми, тебе угрожает? Имена, Фиона. Назови мне гребаные имена, и я с этим разберусь.

Мои губы сжимаются в тонкую линию.

— Я знала, что такой будет твоя реакция, и именно поэтому я попыталась тихо уйти, чтобы ты мог просто забыть обо мне и продолжать жить своей жизнью, как будто меня в ней никогда не было.

Он медленно облизывает губы.

— В какой гребаной вселенной ты веришь, что тебя можно забыть? Я люблю тебя, Фиона, и я не хочу жизни, если тебя в ней нет. — Он держит мое лицо в своих руках, и рыдания вырываются из меня после того, как я слышу, как он говорит, что любит меня. Потому что я тоже люблю его — больше всего на свете.

— Имена, Фиона. Я больше не буду спрашивать, — командует он.

Я качаю головой.

— Я не могу.

Хриплый вдох вырывается у него через нос, когда он поднимает подбородок.

— Отлично. Ты не обязана мне говорить. У меня есть способы получить нужную мне информацию. — Он наклоняется и прижимается своими губами к моим. — Я разберусь с этим дерьмом.

Не говоря больше ни слова, он разворачивается на каблуках и направляется по коридору. Я смотрю на его удаляющуюся спину, и слезы текут по моему лицу, зная, что мужчина, которого я люблю, уходит, и я должна его отпустить.

В течение следующих двух недель я несколько раз замечала Доминика в кампусе, наблюдающего за мной издали, но он держался на расстоянии, как я и просила. Мы не разговаривали с тех пор, как он пришел в мою комнату в общежитии, но это не из-за отсутствия попыток с его стороны.

Я смотрю на свой телефон и перечитываю его сообщения за вчерашний вечер и сегодняшнее утро.

Доминик: *Без тебя эта кровать уже не та.*

Доминик: *Ты нужна мне в моих руках.*

Доминик: *Спокойной ночи, милая.*

Доминик: *Скоро ты снова проснешься в моих объятиях.*

Я ни разу не ответила, но очевидно, что я прочитала все письма, поэтому он продолжает их присылать. Я думала, что после нескольких дней без меня Доминик начнет жить дальше, но этого не произошло.

Я смотрю на мигающий курсор на экране моего компьютера, пытаюсь сообразить, что написать дальше в моей статье, чтобы произвести впечатление на профессора Ки и тех, кто еще может прочитать это, как только я сдам свою работу. Если Ки сдержит свое слово, то после следующей недели он попытается поставить мне плохую оценку, независимо от того, насколько хороша эта работа, потому что я отказываюсь с ним спать.

Мой сотовый жужжит, когда загорается экран, сигнализируя о новом сообщении.

Доминик: *Открой дверь.*

Не успеваю я дочитать его слова, как раздаётся стук в мою дверь. Я делаю глубокий вдох и поднимаюсь с кровати. Я распахиваю дверь, ожидая увидеть Доминика, но вместо этого вижу мужчину, держащего в руках приблизительно три десятка красных роз.

— Вот, — говорит невысокий коренастый мужчина, протягивая мне цветы. — Это для Вас.

Я беру цветы и наклоняюсь, чтобы понюхать их, не замечая, что Доминик прислонился к стене рядом с моей дверью, пока он не выходит вперед.

Мой взгляд поднимается к нему.

— Они прекрасны. Спасибо тебе.

— Они ничто по сравнению с тобой, — говорит он, делая шаг ко мне. — Нам нужно поговорить.

Мои плечи опускаются, не желая повторять это.

— Продолжая оставаться на связи, мы делаем только хуже самим себе. Нам нужно пространство.

Он качает головой.

— Нет, нам этого не нужно, потому что между нами еще не все кончено. Ты все еще хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя. — Я открываю рот, чтобы отрицать это, но он перебивает меня. — Не лги мне, Фиона, потому что у тебя это не очень хорошо получается.

— Доминик...

Он делает еще один шаг вперед, сокращая расстояние между нами.

— Моя милая Фиона. Когда я сказал тебе, что ты моя, и я буду защищать тебя от гребаного мира, я это и имел в виду. Ты отказалась сказать мне, почему покидаешь меня, поэтому я взял на себя смелость выяснить, что, черт возьми, заставило тебя убежать от меня.

Мое сердце колотится в грудной клетке, а дыхание становится более учащенным.

— Что ты имеешь в виду?

Он обнимает меня за талию и притягивает меня к себе. Он пахнет так чертовски хорошо, и тепло его большого тела, прижатого к моему, кажется потрясающим. Я скучала по этому — так сильно скучала по нему — и я не борюсь с ним, когда он держит меня.

— Я позабочусь о каждой проблеме, стоящей между нами, и обо всем, что причиняет тебе боль. — Его темные глаза внимательно смотрят на меня. — Начиная с оплаты квартиры твоих родителей.

— Ч-что? — Я не уверена, что правильно его расслышала. — Что ты имеешь в виду, говоря о том, чтобы заплатить за квартиру моих родителей?

Он пожимает плечами.

— Медицинская школа в Огайо была твоим выбором, потому что она была близко к дому, верно?

— Ну, да, но в Университете Огайо также есть потрясающая программа медицинской школы.

Он кивает.

— И, если ты все еще хочешь ходить там в колледж, я полностью за это, и я планирую продать все, что у меня есть здесь, в Чикаго, чтобы переехать с тобой в Огайо, когда придет время. Но оплата дома твоих родителей и наем специального персонала для ухода за твоей матерью снимает большую нагрузку с отца, и ему не нужно, чтобы ты переезжала обратно, если ты не хочешь этого делать.

— Я не понимаю. Как ты можешь позволить себе сделать все это? — спрашиваю я, пораженная всем, что он сделал для моей семьи.

Я стольким ему обязана.

Он пожимает плечами.

— Я чертовски хороший бизнесмен, который очень разумно распорядился своими деньгами и инвестициями. Я больше, чем просто владелец стрип-клуба, Фиона.

— Доминик, я не могу принять это.

— Да, ты можешь.

Я качаю головой.

— Нет.

Он сжимает мой подбородок между большим и указательным пальцами и приподнимает мою голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Я люблю тебя, Фиона. Я планирую сделать тебя своей женой, и когда это произойдет, твоя семья и проблемы станут моей семьей и моими проблемами. Я просто помогаю немного раньше.

Слезы наполняют мои глаза, и мое сердце так переполнено, что готово взорваться, но факт остается фактом: у Ки все еще есть сила разрушить меня, поэтому Доминик не может решить все мои проблемы.

Лицо Доминика искажается.

— Разве это не делает тебя счастливой?

Я киваю, смахивая слезы.

— Это так, но ты не можешь все исправить.

Он сжимает губы в тонкую линию.

— Я знаю, ты веришь, что некоторые вещи находятся вне моего контроля, но я обещаю тебе, что это не так. Я собираюсь позаботиться о тебе — обо всем, как я и говорил, но ты должна довериться мне в этом.

Доминик наклоняется и прижимается своими губами к моим. Я закрываю глаза и наслаждаюсь ощущением его губ на своих. Я люблю этого мужчину, и мне чертовски больно, что я не могу быть с ним.

Он отстраняется и прислоняется своим лбом к моему.

— Я знаю, ты напугана, но я не позволю ничему и никому причинить тебе боль. Вот увидишь.

Он нежно целует меня в лоб, а затем поворачивается и оставляет меня с большим количеством вопросов, чем у меня есть ответов, но одно можно сказать наверняка: он любит меня. Он показывает мне, действуя и убеждаясь, что я знаю — он мой защитник. Я просто хотела бы, чтобы он действительно мог защитить меня от всего.

Глава 16

Фиона

Появляться на занятиях Ки в тот момент, когда они начинаются, было обычным делом в течение последних нескольких недель. В конце каждого урока Ки смотрит на меня так, словно ждет, что я наконец сломаюсь и соглашусь трахнуться за хорошую оценку. Мне потребовалось все мое мужество, чтобы не ругать его каждый раз, когда он смотрит на меня. Я знаю, что это ничем не поможет, поэтому я сосредоточилась на создании лучшей статьи, на которую способна, чтобы доказать декану, что Ки мстит мне.

Я удивляюсь, когда прихожу туда, а Ки еще не сидит за своим столом в передней части класса. Он никогда не опаздывает.

Я сажусь, достаю свои бумаги и кладу их на стол. Через несколько минут комната гудит от непринужденной беседы, поскольку Ки все еще не появился.

— Еще чуть-чуть и начнет действовать правило 15 минут, — выкрикивает один парень из задней части класса.

— Вам оно не понадобится, — говорит высокая чернокожая женщина с вьющимися волосами и в фиолетовых очках, заходя за стол. Она выглядит как человек, только что сошедший со страниц журнала Forbes в черной юбке-карандаш и пиджаке с белой блузкой. — Профессор Ки больше не работает в этом университете, поэтому я немедленно приступаю к занятиям. Я профессор Шепард, и вы можете найти мою контактную информацию в каталоге веб-сайта университета. — Она ставит свой портфель на стол. — Согласно программе, сегодня должна быть сдана работа, поэтому, пожалуйста, передайте ее на первый ряд, и я заберу ее. Я с нетерпением жду возможности прочитать все, что вы написали, и познакомиться с вашими мыслями о западной философии.

У меня отвисает челюсть, когда бумаги текут ко мне, так как я сижу в первом ряду.

Что, черт возьми, это значит, что профессора Ки больше нет? Подобное заявление означает, что они его уволили.

Урок продолжается, и я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на том, что говорит новый профессор, но в моей голове крутится миллион вопросов о том, что случилось с Ки. Неужели Доминик действительно узнал о том, что он сказал мне, и причинил ему боль или, что еще хуже, убил его?

Я пытаюсь не психовать до чертиков, но это трудно.

Текстовое оповещение появляется на моем телефоне, когда я собираю вещи в конце урока. Это от Доминика, и он прислал мне ссылку на кое-что. Я нажимаю на нее, и попадаю на местный новостной канал, где идет репортаж об увольнении профессора Ки.

«Профессор уволен после обыска его дома, где были обнаружены наркотики» — таков заголовок, и пока я продолжаю читать колонку, там отмечается, что Ки был арестован и уволен.

Мои глаза расширяются.

Срань господня!

Доминик: Я жду снаружи.

Каждый нерв в моем теле дрожит, когда я закидываю рюкзак на плечо и направляюсь к двери. Доминик сказал, что защитит меня, и я не знаю, какую роль он сыграл в избавлении от Ки, но я предполагаю, что это из-за него Ки больше не мой учитель.

Когда я спускаюсь по ступенькам, Доминик ждет, прислонившись к своему черному внедорожнику, припаркованному у тротуара.

В тот момент, когда наши глаза встречаются, уголок его рта приподнимается в кривой усмешке.

Он отталкивается от машины и встает передо мной.

— Привет.

Мои пальцы сжимают лямку рюкзака.

— Что ты сделал?

— У тебя была проблема, и я с ней справился. Ничто и никто не встанет между нами, и когда я начал расспрашивать твоих профессоров одного за другим, я понял, что он каким-то образом облажался с тобой. Только когда я просмотрел запись последней ночи, когда ты работала в клубе, я заметил, как он разговаривал с тобой, и подумал, что он, возможно, был причиной того, что ты убежала от меня.

Я поднимаю руку вверх.

— Подожди, минутку. Ты хочешь сказать, что обращался к каждому из моих профессоров?

— Да, — говорит он с легкостью. — Ты не захотела поговорить со мной и рассказать правду о том, почему ты ушла, поэтому мне пришлось провести расследование. Ты бы сэкономила мне кучу времени, если бы просто сказала, что Ки пытался шантажировать тебя, чтобы ты занялась с ним сексом.

— Я не понимаю. Ты подстроил это, чтобы отвести его от меня?

Он пожимает плечами.

— Я только раскрыл правду о нем. Он уже употреблял наркотики и кучу другого незаконного дерьма, в которое мы не будем вникать, поэтому убедиться, что они обнаружили его проблемы, было единственным реальным делом, к которому я приложил руку. — Он заправляет прядь волос, развевающуюся на ветру, мне за ухо. — Я сказал тебе, Фиона, я никому не позволю причинить тебе боль. Никогда.

— Ты сделал все это — рисковал навлечь на себя неприятности из-за меня?

— Да, и я сделаю это еще миллион раз, если потребуется, чтобы обезопасить тебя. Я люблю тебя, Фиона. Ты единственная для меня.

Искренность в его глазах сияет, и я знаю, что он имеет в виду именно это, когда говорит, что любит меня. У Доминика жесткая оболочка, но он показал мне другую свою сторону — сторону, которая заставила меня безумно влюбиться в него.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я ему, заставляя его улыбнуться.

Его губы прижимаются к моим, и я запускаю руки в волосы. Этот поцелуй подобен поцелую, положившему конец всем поцелуям, и похоже, что если мы остановимся, то можем не выжить.

Через несколько минут Доминик отстраняется, а затем запечатлевает сладкий поцелуй на моих губах.

— Давай поедem домой.

Он переплетает свои пальцы с моими и ведет меня к внедорожнику. Мне нравится, как он произносит слово «дом», как будто это место, которому я принадлежу — место, где мне суждено быть до конца моей жизни — с ним. Честно говоря, я бы предпочла быть именно там.

Эпилог

Доминик

Белая ткань окутывает комнату, и чередующиеся синие и фиолетовые огни заставляют ее светиться. Никогда за миллион лет я не мог представить себе, что у Марко Порелло будет такая шикарная свадьба, и все же мы здесь.

— Когда мы поженимся, я хочу маленькую свадьбу, — говорит Фиона, когда я прижимаю ее к себе посреди танцпола.

— Что бы ты ни представляла для нашей свадьбы, я сделаю так, чтобы это произошло. Большая? Маленькая? Выбирай и считай, что все сделано, — говорю я ей.

— Определенно маленькая, — подтверждает она. — Эта свадьба, вероятно, обошлась в небольшое состояние. Я даже не знаю большую часть из этих людей.

— Я знаю большинство здешних людей. — Я смеюсь. — Но ты права. Приемы, подобные этому, недешевы, но Пореллос наплевать на стоимость.

Песня заканчивается, и Фиона говорит, что хочет выпить, поэтому я беру ее за руку и веду к бару. Так много людей машут мне и останавливаются, чтобы сказать, что рады меня видеть, несколько раз задерживая нас по пути. Я не видел большинство из этих людей с тех пор, как умер мой отец, так что сегодняшний вечер наверняка стал прогулкой по дорожке воспоминаний.

— Эй! А вот и он, — говорит Марко, когда мы наконец добираемся до бара. Его взгляд скользит к Фионе, и он улыбается. — Рад снова тебя видеть. Я слышал, ты собираешься сделать из этого парня честного человека.

Фиона поднимает левую руку и демонстрирует обручальное кольцо с бриллиантом, которым я удивил ее пару месяцев назад.

— Мы все еще не определились с датой, но, надеюсь, скоро поженимся.

— Это отличные новости, — говорит Марко. — Как дела в колледже? Больше нет никаких проблем?

— В колледже все отлично. — На ее лице мелькает замешательство, и она поворачивает голову. — Подожди. Как ты узнал, что у меня раньше были какие-то проблемы?

Марко усмехается, а затем его взгляд перебегает с Фионы на меня, а затем обратно на нее.

— Дом не говорил тебе, что мы помогли устранить упомянутые проблемы?

— Марко, — я обрываю его от продолжения свирепым взглядом. — Ей не нужны подробности. Чем меньше она знает, тем лучше.

Он вздыхает.

— Думаю, это правда. — Он делает большой глоток из бокала с шампанским, который держит в руках, допивая содержимое. — На этой ноте, вы двое повеселитесь, и я ожидаю приглашения на вашу свадьбу, когда бы вы ни выбрали дату.

Когда Марко оставляет нас одних в баре, Фиона выжидающе смотрит на меня.

— Марко помог тебе с Ки?

Я пожимаю плечами.

— Я купил у него килограмм кокаина, чтобы подбросить в машину Ки. Вот и все.

— Килограмм? — резко шепчет она. — Срань господня, Доминик. Что, если бы они поймали тебя с этим?

Я закатываю глаза.

— Меня бы никогда не поймали. К тому же, он недолго был у меня в руках. После того, как я узнал, что Ки пытался трахнуть тебя и всех остальных привлекательных студенток, которых он имел за последние пять лет, чтобы повысить их оценки, я совсем не чувствовал себя виноватым в том, что подставил его. Парень также страдал кокаиновой зависимостью в течение последних десяти лет, так что в этом плане он тоже не был совсем уж невинен.

Она пристально смотрит на меня.

— Ты очень страшный человек, когда хочешь им быть.

— Только если кто-то пытается навредить мне или тому, кого я люблю. Тогда я могу превратиться в дьявольского монстра, если понадобится.

— Напомни мне никогда не перечить тебе, — поддразнивает она.

Я обхватываю ее за талию, а она обнимает меня за шею.

— В этом мире ты не сможешь сделать ничего такого, что заставило бы меня причинить тебе боль. Я скорее умру, чем причиню тебе боль.

Ее бровь поднимается.

— Это немного драматично.

Я пожимаю плечами.

— Это правда. Любовь — это когда ты готов отдать свою жизнь за того, кого любишь, и это то, что я сделаю, если до этого дойдет.

— А если я сделаю что-то, за что заслужила бы твой гнев? — спрашивает она.

— Ты ничего не сможешь сделать, чтобы я перестал тебя любить.

— Даже если я изменю?

Моя спина напрягается.

— Ты никогда не сделаешь этого. А если бы сделала, то даже тогда.

— Ты прав. Я бы никогда этого не сделала, потому что я слишком сильно тебя люблю и не могу представить себя с кем-то, кроме тебя, до конца жизни.

— Я чувствую то же самое, милая. Есть только ты и я в этой сумасшедшей жизни вместе. Навсегда.

— Навсегда, — подтверждает она, и я целую ее сладкие губы, обожая, как звучит слово «навсегда» на ее губах.

КОНЕЦ